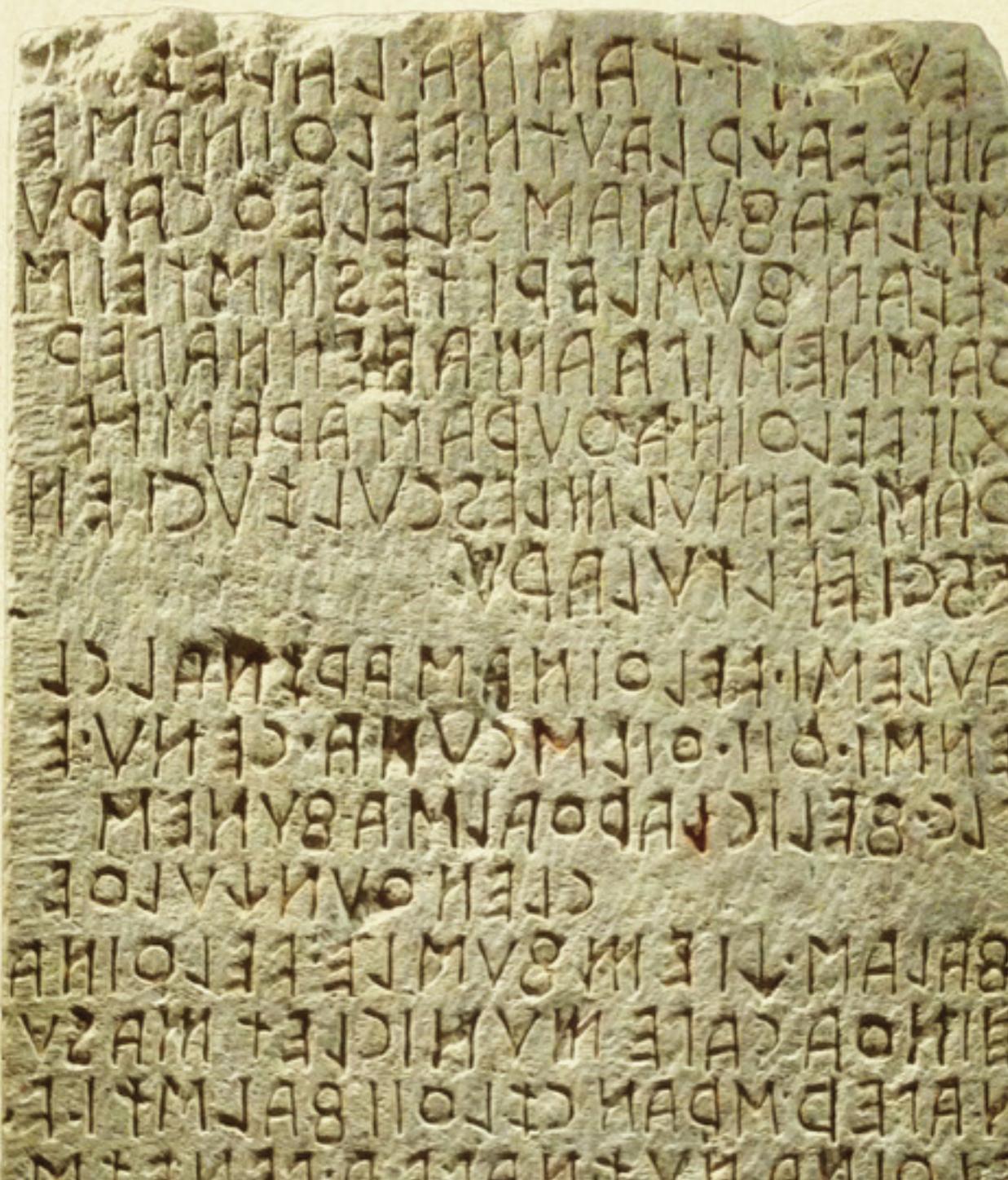

Светлана Молева

ЕДИНОРОДНОЕ СЛОВО

Светлана Васильевна Молева
Единородное Слово. Опыт
постижения древнейшей русской
веры и истории на основе языка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961574
Единородное Слово: опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка. / Молева С. В.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-90670-565-5

Аннотация

Работа представляет впервые осуществленный перевод древнейшего из всех доступных современной науке русских текстов, который насчитывает около трех тысяч лет. Этот памятник русской письменности X–IX вв. до Р. Х. известен как текст Перуджианского камня (по современному месту нахождения) и доныне оставался непереуведенным памятником культуры этрусков. Открывающиеся в переводе сведения дают возможность приподнять многовековую таинственную завесу над глубочайшими пластами русской веры и русской истории, современными самым древним цивилизациям мира.

Предварительная публикация глав из книги (Речь: Сб. первый. Псков, 1966) и ее первое издание (вышло во Пскове в 2000 г. тиражом 200 экз.) были отмечены положительными отзывами в центральной российской печати (Алексахин И. Мы жили в Палестине? Или Три сенсации, которые стараются замолчать // Экономическая газета. 1988. 15 апр.; Личутин В. Лавровый венец России // День литературы. 2000. № 11–12).

Настоящее издание дополнено статьями близкой проблематики, тематически примыкающими к основной работе.

Содержание

Вступление	4
Часть I	7
Часть II	32
1. О язычестве Руси	32
2. О христианстве Руси	38
3. Правоверие	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Светлана Молева

Единородное Слово: опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка

Вступление

На всей земле был один язык и одно наречие.
Быт 11:1

Народ и язык – «единица неразделимая», так сказал известный русский ученый, автор уникального Словаря древнерусского языка Измаил Иванович Срезневский.

Науки прошлого и настоящего, специалисты по языку и историки, философы и политологи посвятили немало страниц вопросу о том, каковы основные предпосылки созидания народа, нации, наконец, государства.

Церковь раз и навсегда решила этот вопрос однозначно. Библейское предание о смешении языков и падении Вавилонской башни – это заповеданный на все времена рассказ о гибели одного из самых древних и устойчивых государств, Шумера. Незыблемо крепкий и процветавший много тысячелетий Шумер в сравнительно краткий срок рухнул, подточенный изнутри распадающимися верой и языком.

Вера и язык неотделимы друг от друга. С искажением веры отмирают целые глубокие языковые пласты. С искажением языка происходят подчас неясные, но долговременные и разрушительные процессы внутри веры. И то и другое губительно для народа. Ибо вера и язык, созидающие единое духовное тело народа, формируют наше сознание, обеспечивают народу и нации нравственное и физическое здоровье.

Обладая мощной духовной энергией, язык вместе с тем хранит в себе такие высокие и сокровенные знания, которые не могут быть постигнуты ни с помощью научных экспериментов, ни житейским опытом, ни абстрактными построениями лукавого ума. Но такие познания приоткрываются единственно через любовь к слову и духовное единение с ним.

Ларь-хранитель Священных
Знаний ныне мы запираем снова.
Все исполнилось силой слова, —

читаем мы в арийской поэзии, на многие века опередившей ветхозаветные тексты.

Слово неисчерпаемо. Даже ученики Иисуса Христа, четверо евангелистов-апостолов, последнее, реченное Им на кресте, донесли до нас по-разному:

«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» /Мф 27:46; Мр 15:34/;

«Отче! в руки Твои предаю дух Мой» /Лк 23:46/;

«Совершилось!» /Ин 19:30/.

Можем ли мы предположить, что святые апостолы не знали или не сумели запомнить доподлинные слова Спасителя? – Нет, не можем. Но именно здесь явлена тайна произнесенного слова, которое доносит до каждого истину лишь в той мере, в какой мы готовы принять ее и осмыслить.

И Новый Завет настойчиво и неоднократно обращает на это наше внимание:

«Не все вмещают слово сие, но кому дано» /Мф 19:11/;

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» /Мф 13:9/;

«Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат» /Мф 13:14—15/;

«Почему вы не понимаете речи Моей? потому что не можете слышать слова Моего» /Ин 8:43/.

Как слабеет и угасает пламя свечи, если не возжечь от нее новую свечу, так перестает освящать нас слово, передаваемое друг другу безблагодатными устами.

И если сегодня вера отступила от нас, росов, то прежде всего потому, что мы расточили собственный язык: отреклись от великой части великого словесного богатства; позволили расхитить его, бездумно отдавая право на родное слово иным языкам и народам.

Потому-то слово отделилось от нас, стало пустым звуком, бесплотной оболочкой и, отторгнутое нами, уже не затрагивает ни нашего сердца, ни нашего ума, ни нашей памяти.

Спросите сегодня у первого встречного: что русского слышится ему в слове *апостол*? Можно наверняка предугадать, что мало кто потщится поискать в этом, ставшем «чужим», слове исконные русские основы.

Между тем они живы, они здесь, они звучат въяве: АПОСТОЛ.

АПО, АПА – древнерусское *надежда*; СТОЛ – древнерусское же *сила, могущество, трон, аналой, престол* как символ верховной или учительской власти. И когда послал Господь двенадцать апостолов, то были они не просто *проповедники*, как переводят с греческого, но *сила надежная и надежда Могущественного*, пославшего их.

Слышим ли мы это ныне, когда произносим слово *апостол*?

Воистину, «будете слышать и не услышите»...

Для нас, чье сознание расколото до такой степени, что представление о божественном и богоподобном сотворении человека мирно уживается с представлением об обезьяньем предке, орудуящем каменным зубилом, уже и собственное имя превратилось в пустой набор звуков.

Даже прозвище или кличка говорят нашему сознанию больше, нежели отчужденные нами же многие родные имена, смутно относимые то ли к греческим, то ли к еврейским, то ли к тюркским.

Мы живем и умираем, не зная, не понимая, не чувствуя собственного имени.

Между тем именно оно определяет идеальные границы человеческой личности. Человек без имени – ничто. И древние хорошо сознавали это. Путем уничтожения, замалчивания или искажения имени стирались в исторической памяти человечества целые народы и государства.

«...Истребите имя их от места сего», – повелевает Ветхий Завет /Втор 12:3/, поскольку, пока живет имя, жив и его носитель.

Менее чем за восемьдесят лет русские дважды столкнулись с посягательствами на свое имя. Еще недавно «советские люди», сегодня мы всеми силами средств массовой информации превращаемся в «**россиян**». Нацеленное на подсознание, это энергетически вялое, распадающееся имя не предвещает ли нам глобальное и непоправимое **рассеяние**?

Уничтожьте их имя...

Имя народа – носитель национальной исторической памяти. А история росов и России более темна, чем история шумеров и этрусков, с которыми связана прочно, хоть пока нами не признаваемо.

Непостижимое богатство нашего языка, таинственная близость его к священному санскриту, не имеющая мировых аналогов по духовной силе литература, не мыслимая у других народов веротерпимость – все это и многое другое свидетельствует о нашем незапамятно долгом историческом пути.

Имя рос, вопреки куцей отечественной историографии, отчетливо просматривается в среде самых древних цивилизаций и в переводе со многих языков означает *высокий, глава, вождь, мудрец, пророк*.

Многое указывает на то, что, немногочисленный в силу особых религиозных причин, народ рос издревле являл собой ствол, удерживающий могучее арийское древо.

Мы – росы. Мы – арии. И на протяжении тысячелетий, питая своей духовной энергией многие и многие народы, умирая и возрождаясь, мы сохранили не только свое имя. Но и свою – Правую – веру.

Боже Правый, Боже Святой, Боже Единый – вновь и вновь призывает текст Перуджинского камня еще за тысячу лет до прихода Спасителя.

Часть I

«Слово об ариях»

Памятник русской письменности X–IX вв. до Р. X

Не удерживай слова, когда оно может помочь: ибо в слове познается мудрость и в речи языка – знание.
Сир 4:27-28

Эта работа представляет впервые осуществленный перевод древнейшего из всех доступных современной науке русских текстов, который насчитывает около трех тысяч лет. Ныне он известен как текст Перуджианского камня¹ и до сего дня оставался непереуценным памятником этрусской письменности. **Открывающиеся в переводе сведения дают возможность приподнять многовековую таинственную завесу над глубочайшими пластами русской веры и русской истории, современными самым древним цивилизациям мира.**

«Etruscum est, non legitur (Этрусское не читается)», – говорили древние римляне о письме народа, заложившего основу мощной Римской империи. И до наших дней письменность этрусов, их культура да и самый народ остаются загадкой.

Науке известно свыше одиннадцати тысяч этрусских текстов. В основном это краткие надписи на предметах быта (знаменитые этрусские вазы, зеркала, монеты, оружие и т. п.) и на надгробиях. Одним из самых обширных среди сохранившихся является памятник, представляющий текст, высеченный на каменной стеле и датируемый VI–V вв. до Р. X., – Перуджианский камень.

Ученые разных стран предпринимали неоднократные попытки перевода этрусской письменности. Множество языков, вплоть до наречий племен Африки, принимались за исходный для расшифровки этрусского письма. Но все усилия не приносили убедительных результатов. При этом опыты переводов с этрусского языка с ориентацией на русский (XIX в.) никогда не учитывались мировой наукой.

Лишь благодаря деятельности отечественных ученых XX в. этрусские памятники зазвучали. И язык их действительно оказался **русским**. Но и это событие до сих пор не вызвало адекватных откликов ни в научной, ни в мало осведомленной общественной отечественной среде, что, впрочем, и понятно: русский голос, дошедший из глубины тысячелетий, не только озадачивает, но и опрокидывает многие установленные представления. Ибо в мировой науке издавна утвердилась глубоко ложная аксиома, будто русские – нация исторически молодая и еще в VI–VII вв. предки наши жили в землянках и дуплах, орудуя едва ли не каменными ножами.

Известно, что возраст народа соотносят прежде всего с его письменной культурой. В свое время латины в борьбе за «право первородства» постарались стереть всякую память об этрусках. Но легкомысленно отрицать глубокую древность и высочайшую культуру этого народа на том только основании, что от его письменности мало что осталось, кроме кратких надписей. То же следует признать относительно древности происхождения русских и всей семьи славян. Поражает, как мало внимания нашей древности уделяет даже отечественная наука. Вниманием обойдены, к примеру, русско-византийские дипломатические связи V–VI вв., зафиксированные историческими источниками. В работах, посвященных этому периоду,

---

¹ Памятник получил название по месту хранения его в итальянском городе Перуджия (совр. Перуджа; древняя Перусия – вначале этрусский, а затем – с 309 г. до Р. X. – римский город /1/).

русские представляются как «варварские» разрозненные «племена», в разное время либо враждовавшие с Византией, либо служившие ей в качестве наемной ратной силы под водительством жадных до золота вождей.

Между тем эти мало исследованные страницы истории росов должно рассматривать не как неустойчивое, ситуативное, обусловленное для Византии военной необходимостью сотрудничество, порой переходящее в немыслимые притязания нищих разобщенных восточнославянских племен на владение Константинополем, как характеризуют большую славяно-византийскую войну 550–551 гг., а также войны конца VI-го и последующих веков, но как постепенный и неуклонный **перенос силы арийского² мира на территорию древнерусских земель**. Чему предшествовала яростная религиозная борьба, развернувшаяся в Малой и Передней Азии, Средиземноморье и Черноморском регионе между язычеством, иудаизмом и набирающим силу христианством и сопутствовавшее ей мощное переселение народов³.

Очевидно, к IX–X вв. такой перенос силы произошел, что и подтверждают русско-византийские договоры, вынужденно заключаемые ромеями на паритетных условиях, а главное – внезапный и стремительный разгром русскими (чья государственность даже и в этот период до сих пор ставится под сомнение) под водительством князя Святослава воинственной иноверческой Хазарии, на протяжении столетий являвшей грозу и ужас величественной ВосточноРимской империи.

Пролить свет на русскую историю I–VIII вв. (к более ранним сведениям о росах мы обратимся ниже) могли бы собственно русские источники тех времен. Но древнерусские письмена, существовавшие (о чем сохранилось немало исторических свидетельств) задолго до солунских посланцев Кирилла и Мефодия, фактически уничтожены.

Как и этрусские письменные памятники, древнерусское руническое письмо (письменность «черт и резов») сохранилась только на предметах обихода, да и то некоторые склонны видеть в ней беспорядочный орнамент или некие ритуальные знаки.

В то же время 863 г. считается не подлежащей сомнению, научно признанной датой обретения славянами письменности. Курьезным, а для строгой науки очевидно сомнительным должен быть сам по себе факт фиксации точной даты получения письменности огромным народом, который уже на протяжении столетий обладал высокой культурой, о чем свидетельствуют сохранившиеся и до наших дней материальные памятники. (Подобные сомнения касаются также другой знаменитой даты – крещения Руси в 988 г., столь счастливо запечатлевшейся в вообще крайне «темной» истории росов, аналогом которой, как уже говорилось, может служить разве что история шумеров или этрусков.) Притом, по необъяснимой рассеянности, славяне (как, впрочем, и иные соседствовавшие с ними культурные народы) не сумели донести до не столь уж далеких потомков: кириллицу или все же глаголицу следует считать подаренной нам письменностью. Между тем известно, что даже и дикие племена, которых когда-либо коснулось представление о письме, тысячелетиями сохраняли непонятные им знаки, связывая их с именами тех, кем они впервые были начертаны.

Все эти несообразности имеют лишь одно достаточное объяснение. Русские и вообще славяне несомненно имели собственное письмо издревле, о чем свидетельствует прежде

---

² Имя арийцев в XX в. опорочено человеконенавистнической идеологией и практикой гитлеризма (возросшего, кстати, на совсем иных корнях). Поэтому любое упоминание о принадлежности к арийскому имени незамедлительно вызывает эмоциональное отторжение в массовом сознании, связываясь исключительно с претензией на биологическое превосходство. Однако факты дискредитации имени народа или человека не единичны и не случайны в истории.

³ Во II в. огромная территория (на севере до Припяти, на востоке до Северского Донца, на юге до Дуная, на западе до хребтов Южных Карпат) «оказалась вдруг вовлеченной в стремительный процесс развития <...> Этот скачок по своей значимости и достижениям равен предыдущему тысячелетию, если не более того» /2/.

всего сам св. Кирилл. Все 48 дошедших до нас списков Жития Константина Философа сообщают, что в Херсонесе он обнаружил «Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами» /3/. Екатерина II в «Записках касательно русской истории» писала, что наши предки «древнее Нестора письмена имели, да оные утрачены или еще не отыскались и потому до нас не дошли. **Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели**» /4/. Дошедшие до наших дней остатки письменности типа «черт и резов» неопровержимо подтверждают ее существование и побуждают задуматься об утраченном⁴.

Уничтожение этой древнейшей славянской письменности, очевидно, есть результат непрерывной религиозной борьбы за «право первородства». Об остроте вопроса свидетельствует «Сказание о письменах» Черноризца Храбра. Лишь бегло упоминая, что у славян существуют некие «черты и резы», Черноризец уделяет пристальное внимание полемике о том, какая азбука священной и выше – славянская, созданная Кириллом, или греческая. В то время как суть вопроса, видимо, состояла в ином: быть или не быть древнейшему славянскому слоговому письму, которое подобно пуповине связывало крепнувший славянский мир с глубочайшей историей, тогда как греческое буквенное письмо уже значительно далеко отошло от этих истоков.

А духовная энергия слова плотно концентрировалась вокруг славянского древа.

Так начиналось мощное соперничество за духовное водительство между Византией и Древней Русью – будущим оплотом Православия.

Среди ученых, отстаивавших положение о том, что славяне имели свою письменность задолго до корсунских учителей, следует назвать В. А. Истрина, П. Я. Черных, В. Георгиева (Болгария).

Еще в начале 1960-х гг. В. А. Истрин писал: «К сожалению, изучению истории письменности, в том числе даже славяно-русской, в СССР должного внимания не придается. Ни в одном из многочисленных советских научно-исследовательских институтов не имеется отдела или сектора, который специально занимался бы историей письма. В результате изучение как всеобщей, так и русской истории письма продолжает проводиться в значительной мере в порядке индивидуальной инициативы отдельных советских исследователей. Лишь часть памятников предполагаемой русской дохристианской письменности опубликована. Публикации нередко представляют собой не документальные фотографии, а случайные зарисовки; как правило, они разбросаны по многочисленным, подчас труднодоступным сборникам и трудам институтов. Поэтому неотложной задачей является сбор всего фактического материала, его проверка, систематизация и опубликование в едином научно-документальном альбоме» /6/.

Кажется, эта работа так и не была осуществлена.

Фактически замолчены и закрыты для науки труды русских исследователей Г. Н. Бренева «Доисторическая цветная цивилизация» (Таллин, 1935) и П. П. Орешкина «Вавилонский феномен» (Рим, 1984)⁵. Независимо друг от друга эти ученые одинаково дешифровали многие тексты древних языков и пришли к сходным выводам: «Все алфавитные системы, где использованы иероглифы, имеют в своей основе единый язык. По своей грамматической структуре и коренному словарному составу язык этот – древнеславянский», который явля-

---

⁴ В 1909 г. старец Оптинский, иеромонах Нектарий (Тихонов, ? 1928) говорил собеседнику: «Великими нашими старцами положен завет не трогать вовеки леса между скитом и обителью, кустика рубить не дозволено, не то что вековых деревьев». И смысл этого запрета становится ясен из рассказа другого здешнего старца, Варсонофия, будущему противерею Василию Шушину (1910): «Тут он мне показал ряд деревьев – кедров, посаженных под какими-то углами. Эти деревья, говорил он, посажены старцем Макарием в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана при помощи деревьев великая тайна, которую прочтет последний старец скита». В 1920-х гг. оптинский заповедный лес был вырублен под корень /5/.

⁵ В настоящее время появились отечественные издания: *Брнев Г. Н. Доисторическая цветная цивилизация*. СПб.: Потанное, 2010; *Орешкин П. П. Вавилонский феномен*. СПб.: ЛИО «Редактор», 2009. – *Примеч. ред.*

ется продолжением **базового русского языка** (Г. Н. Бренев); «... в момент преднамеренной катастрофы был разбит и раздроблен на части единый язык», – пишет П. П. Орешкин, считая, правда, базовым языком древнеславянский. Этрусский же он прямо связывает с русским /7/.

В последние годы немалые усилия к изучению нашей древней истории, а также истории древней русской письменности приложила не столько официальная наука, сколько исследователи-подвижники, и среди них Г. С. Гриневич и В. И. Щербаков.

Именно они, на наш взгляд, сделали мощный прорыв в русских лингвистической и исторической науках. И хотя работам их до последнего времени не придавалось должного значения, остается бесспорным факт, что **эти исследователи бесспорно восстановили связь истории и культуры русов и вообще славян с историей и культурой древнейших цивилизаций** (крито-микенской, трояно-фракийской, древнегреческой, древнеримской).

Г. С. Гриневич, на протяжении многих лет исследовавший древнее славянское письмо типа «черт и резов» и добившийся серьезных успехов в его дешифровке, открыл не только огромную область знаний о мире русских до так называемой кириллической письменности. Гигантский шаг был сделан им в область еще более глубокой истории нашего народа. Изучая письменность «черт и резов», он обратил внимание на сходство многих знаков этого древнейшего славянского письма со столь волнующими мировую науку знаками этрусской письменности. Этому открытию посвящены многие страницы его замечательной книги «Праславянская письменность: Результаты дешифровки» (М., 1993).

До этих исследований общепринятым считалось, что этрусское письмо является алфавитным, а направление письма – справа налево (хотя, как указывает сам ученый, попытки любыми путями проникнуть в тайну этрусского письма приводили даже к тому, что левую часть надписи пытались читать справа налево, а правую – слева направо). Гриневич твердо установил, что этрусское письмо несомненно является слоговым (с открытыми слогами типа Г и СГ, т. е. гласный и согласный плюс гласный), а направление письма – слева направо.

Озвучить этрусские знаки исследователю помогла работа по озвучиванию знаков древнейшей славянской письменности: «Идентификация этрусских знаков проводилась, главным образом, путем сравнения их начертаний с начертаниями знаков письменности типа “черт и резов” <...> Лишь иногда отдельные знаки сопоставлялись с аналогичными знаками других надписей, дешифровка которых шла одновременно и параллельно с дешифровкой этрусских надписей. Как всегда, основным “инструментом” являлась при этом “Сводная таблица знаков праславянской письменности”» /Гриневич, 176/.

Воспользовавшись установленными соответствиями, Гриневич составил таблицу звучаний знаков этрусской письменности и, опираясь на нее, успешно перевел многие этрусские надписи. **Этрусское письмо заговорило древнейшей русской речью.**

Гриневичем были также проведены озвучивание, разбивка и попытка перевода текста Перуджианского камня. За неимением возможности привести этот перевод полностью, ограничимся его началом:

«Слова нижу без ярости. ярого “племени”» нас (нашего). нашей ярости вожи (гл. водить).

Жертвы приносим, а “племя” в рже живет. Клятвой, что (в) ярость без крови, оно твердо.

Оба яйца в жире жаром изливаюющиеся, яростью называем (гл. намьнити – называть).

Мои же изнуренные мужи нас и без жертвоприношений вознесли (над) “племенем” ниже нас...» /Гриневич, 212/.

А теперь несколько слов о мотивах, побудивших автора этой книги обратиться к тексту Перуджианского камня.

Высокая духовная организация древних росов, богатейшие в мире язык и фольклор, мощная культура Древней Руси, в исторически краткий период поднимавшаяся будто бы на основе «дупляной» и «земляной» культуры разрозненных языческих племен, удивительная терпимость русских к иным религиям и обычаям, несомненно свидетельствующая о глубоком историческом опыте совместного бытия со многими народами, – все это и многое другое указывает на древнейшие корни народа рос. Пытаясь проникнуть в глубину истории росов за жесткие, хотя и крайне пристрастно обоснованные официальной наукой рамки русской истории, важно было не просто отыскать в обычаях и культурах древних цивилизаций сходные с русскими черты, но определить общие опорные мировоззренческие позиции, а также открыть в древних ономастике и топонимике – этих наиболее устойчивых элементах языка – имена, несомненно принадлежащие славянскому миру.

Изучение материалов по истории Шумера, Египта, Палестины, Трои, Индии, Греции, Рима и других древнейших центров культуры с такой позиции принесло обширнейший материал, обработка которого дала обещающие результаты⁶.

Многие сведения Библии подтверждают: народ рос (*рош* /БЭ, с. 609/) существовал издревле.

Чтобы окончательно утвердиться в этом, долгое время недоставало главного: письменного источника периода существования какой-либо из названных цивилизаций, написанного на русском языке. **Теперь искомый письменный источник наконец обретен.**

Работа с текстом Перуджианского камня не только позволяет установить подлинное содержание этого древнейшего на сегодня русского текста, но и побуждает собрать воедино представления о древнем народе рос, его вере и месте в мировой цивилизации.

С глубочайшей древности росы представляли особое, организующее звено в семье арийских народов, тысячелетиями сдерживая распад единой веры и языка. В недрах этого высокоорганизованного народа ткалась живая светоносная материя, способная воплотить Бога Слово⁷. Пришествие Спасителя нашего Иисуса Христа развязало, как представляется, тесные кровные узы немногочисленных прежде росов⁸ (узы, обусловленные глубоко религиозными причинами) и утвердило между ними понятие о родстве более высоком – духовном. Так повествует Евангелие:

«И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою

---

⁶ В качестве примера укажем на известный лишь узкому кругу специалистов источник, который трудно заподозрить в стремлении углубить русскую историю. Речь идет о еврейско-хазарской переписке X в. В предисловии к публикации этих документов их исследователь П. Н. Коковцов, цитируя еврейский письменный источник – «Книгу Иоссипон», сообщает, «что, «по мнению некоторых, славяне происходят от ханаанцев». Как известно, это странное мнение успело вполне утвердиться в еврейской письменности, где, начиная с знаменитого Соломона Инцхаки (Раши, ум. 1105), славянский язык систематически именуется «ханаанским», и оправдано «тем соображением, будто бы ханаанцы, спасшиеся бегством от Иисуса Навина и израильтян, вступивших в Палестину, удалились в славянские земли» /8/. В какие именно? Арабский географ ал-Бекрий писал, что «страны славян тянутся от Сирийского (т. е. Средиземного) до окружающего моря (т. е. океана)» /9/. *Ханаан* значит «покорная, подвластная, униженная земля» /БЭ, с. 740/. Как известно из библейских текстов, не всем ханаанам привелось «удалиться» из «подвластной униженной земли». Так, в Новом Завете упоминается хананейка, которая «была язычница, но имела великую веру во Христа» /БЭ, с. 741 (подчеркнуто мной. – С. М.)/. В той же работе Коковцова, со ссылкой на арабских географов ал-Истахрия, Ибн-Хаукаля, ал-Идрисия, говорится: «Любопытно, что у тех же арабских географов вместе с «русским» племенем *Славия* упоминается, в качестве другого племени тех же Русов, народ *Артания* со столицей *Арта*» /10/. Возможно, Арта – это Аратта, торговый город на Иранском нагорье. Но сколь имя народа русов – *Артания* – близко по звучанию к имени *Иордан*! Словом, как скоро мы убедимся, Древнюю Палестину и другие восточные земли среди прочих племен и народов населял многочисленный славянский народ, включая славян, именуемых в библейских текстах хананеями. И теперь только остается сожалеть, что от географической литературы арабов «до нас дошли только жалкие остатки» /11/.

⁷ «Бренев показывает, что «русские совсем не нация изначально, а белый вождь всех цивилизаций, всех территорий <...> создавший «энергетическую» мужскую религию Бога Отца, мировой язык и мировую власть» /12/.

⁸ «Предрешено было в старые времена, чтобы мы сплотились с иными и создали державу великую» /13/.

Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» /Мф 12:47–50/.

Ревностное следование духовному завету и дало возможность росам уже к VII–VIII вв. проявиться в истории как многочисленному и сильному народу – союзнику и сопернику христианской Византии, пытавшейся незыблемо утвердить свое духовное водительство.

Переселение народов I–II вв. вытеснило значительную часть славянского населения, и среди них росов, из регионов Малой и Передней Азии, Средиземноморья и Черноморья на земли современной России, где издревле существовали славянские поселения⁹, в разное время подпитываемые выходцами из других регионов. О таких колониях, исходящих из очагов арийских цивилизаций, сообщает еще Заратуштра. Смешиваясь на пути своего следования и расселения с небольшими народами и племенами, передавая им свой язык, веру, культуру, древние росы заложили основу будущей великой нации русских.

Во всяком случае, для Древней Руси очевидно стремление к устройению государства по принципу христианских представлений об иерархии (подобные воззрения на иерархичность вселенной, видимого и невидимого миров ранее всего мы обнаруживаем на разных этапах существования древнейших государств – Шумера и Египта). Очевидно, к тому были существенные предпосылки, на что указывают прежде всего многие жития русских святых, и в их числе – русских князей.

«Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе <...> ключ к пониманию русской жизни лежит в области религиозной, церковной, и не усвоив этого, не пойдем мы ни себя, ни свой народ, ни свою историю» /15/.

Только яростная борьба, ставившая русских на грань выживания на протяжении многих веков, мешала воплотить высокие духовные заветы христианства.

«Христианское мировоззрение давно подметило в череде исторических событий некую необъяснимую на первый взгляд странность. Походы и войны, мятежи и революции, смены династий и свержение престолов, экономические кризисы и политические интриги – эти внешне бессвятные и хаотические явления соединены между собой удивительным единством последствий. Их конечным результатом всегда является разгром национальной государственности и попрание христианских святынь. <...> “Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь” /2 Сол 2:7/. В этом апостольском призыве – ключ к пониманию многих загадок истории и наших сегодняшних недоумений» /16/.

По подсчетам В. О. Ключевского, великорусская народность «за 234 года (1228–1462 гг.) вынесла 160 внешних войн. В XVI веке Московия воюет на северо-западе и западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, ни на год не прерывая между тем борьбы против татарских орд на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII веке Россия воевала 48 лет, в XVIII веке – 56 лет. В целом для России XIII–XVIII веков состояние мира было скорее исключением, а война – жестоким правилом» /17/.

Тем не менее именно Россия подняла знамя Православия после падения Византии и пронесла его вплоть до начала XX в., когда мощная, раскинувшаяся на две части света держава не имела в своих официальных анкетах и справочниках графы «национальность», но лишь графу «вероисповедание».

О древнейших, пока не проявленных страницах истории народа *рос (рош)*, о его связях с этрусками и этрусской письменностью, обусловленных прежде всего общим арийским происхождением, об исторической связи нашего народа с землями библейской Палестины,

⁹ М. В. Ломоносов считал: «Что словенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде Рождества Христова, то неоспоримо доказать можно» /14/.

на которых разыгрались трагические события, описываемые в тексте Перуджианского камня, мы поговорим после переведенного нами текста.

А пока, прежде нежели приступить к этому сложному и крайне неожиданному по своему содержанию тексту, разбивающему многие предвзятые представления о нашей вере и нашей истории, придется хотя бы кратко коснуться некоторых особенностей древних письмен, а также представить описание самого памятника.

Вполне понятны затруднения специалистов, десятилетиями бьющихся над попытками расшифровки этрусской письменности. И дело здесь не только в том, что при переводах до сих не принимался в расчет русский язык, но, что не менее важно, упускалась из виду вероятность того, что этрусская письменность (как и древнейшее славянское письмо типа «черт и резов») несла в себе признаки и свойства особого **священного** письма арийских народов, пришедшего из глубокой древности.

Известный знаток эзотерики Сент-Ив д'Альвейдр писал об этом так:

«По моему исследованию древнего алфавита Кабалы, состоящего из двадцати двух букв, самый скрытый и тайный, служивший, вероятно, прототипом не только для всех других такого же рода, но и для знаков ведийских и для букв санскритских, – есть алфавит арийский <...> буквы его имеют морфологическое строение, то есть представляют доподлинно идею своими очертаниями, что делает из них тип исключительный <...> внимательное изучение показало мне, что эти буквы есть первообраз зодиакальных и планетных знаков, что также имеет огромное значение. Браманы называют эту азбуку “Ваттан”. По-видимому, она принадлежала первой человеческой расе, потому что своими пятью начальными формами, строго геометрическими, она сама себя обнаруживает <...> эта азбука пишется снизу вверх, и ее буквы расположены таким образом, чтобы составлять морфологические схемы или говорящие изображения. Пандиты <...> пишут ее слева направо подобно санскритской, следовательно, по-европейски. На основании всего вышеизложенного, эта основная из всех азбук “Каба-Лимг” принадлежит арийскому племени».

Кабала, по мнению д'Альвейдра, пришла к иудеям из Вавилона и «составляла часть того, что академии метрополий называли мудростью, то есть синтезом наук и искусств, приведенных к своему общему принципу. Этот принцип был Слово или Глагол», но он был «утрачен и искажен примерно за 3000 лет до Спасителя»¹⁰ /18/.

В существовании сакрального алфавита убеждает не столько вышеприведенная цитата, сколько глубочайшие, утраченные современным миром знания в области языка, фрагменты которых мы то и дело обнаруживаем при изучении древних культур, а также само масштабное, воистину космическое миропонимание некоторых цивилизованных народов древности.

Старинная истина «все гениальное просто», на наш взгляд, влечет за собой простой вывод: а следовательно, должно быть естественным и не противным законам жизни.

При работе с древнейшими именами собственными, в процессе которой обнаруживается настойчивое повторение некоторых корней, эта ставшая расхожей истина и наталкивает на мысль о том, что к столь долго искомой наукой пракорням скорее всего может привести изучение младенческой речи. Ибо первые звуки младенца: А, ВА (АВА), ДА, ПА, БА, РА и проч., столь часто повторяющиеся в именах древних народов Азии, Африки и Европы (начиная с ветхих Адама и Евы), – несомненно принадлежат к словам-семенам и, что особенно важно, некогда, видимо, являлись древнейшими именами Бога-Творца. (А потому эти значащие созвучия логично назвать **пракорнями**¹¹.)

¹⁰ Эта дата хронологически вписывается в историю древнего Шумера, как приблизительное время вторжения в Месопотамию некоего инородческого населения и начала постепенного ослабления многотысячелетнего государства шумеров, закончившегося Вавилонским смещением.

¹¹ «... Ум человека все забыл, потерял <...> но если ум – дурак, то рефлекс всегда стихийен, бессознателен, гениален,

На это указывает прежде всего частица «А», превращенная впоследствии – в результате раскола веры – в отрицание у многих восточных народов (кстати, и у греков, о которых речь ниже); и устойчивые зачины русских былин и песен – А и ДА, в XIX–XX вв. почти вытесненные именем И (ИЛИ).

Вопреки общепринятому мнению, что А, ДА, И (ИЛИ) русского фольклора являются всего лишь союзными частицами, есть основания предположить, что А следует рассматривать как имя Единоначального Бога, а ДА – как его синоним в качестве Бога Утверждающего, Правого, причем оба имени являются древнейшими. Что касается имени И (ИЛИ), оно, возможно, отразило момент религиозного разделения некогда единоисповедного народа¹² (ср. условный союз *или* – *или*). Потому, видно, наш богатейший язык столь бережен и осторожен в обращении с «А»: с началом на «а» у нас почти нет причастий и глаголов, в основном только существительные /21/. Но и эти немногие существительные, как правило, имеют древнейшие формы на *о*, *ха*, *ка* либо являются заимствованиями из чужих языков.

Во всяком случае, эта гипотеза объясняет частое отсутствие (с современной точки зрения) каких бы то ни было религиозных реалий, хотя бы и языческих, во многих русских обрядовых – в том числе свадебных и погребальных – песнях. Что, несомненно, указывает на их глубокую древность¹³.

В этом же значении выступают имена ДА и, видимо, более позднее И¹⁴, иначе затруднительно объяснить, почему обрядовые песни глубоко религиозного народа практически не упоминают имени Бога. Возможно ли это было во времена, когда русский человек и малого дела не начинал, не призвав на помощь имя Творца? Поздним отголоском уже неосознаваемого значения этого имени предстает истовое стояние за «единый аз» русских старообрядцев в борьбе за наследованную веру.

целесообразен и точен. Он в нужных деталях все запомнил, отложил в крови <...> и в языке. Язык оказался самой лучшей историей; сама редакция языка все рассказывает точно, рисует картины наивных глубин детства человечества, говорит о великом и героическом прошлом <...> Все тайное становится явным в деталях точной науки» (Г. Н. Бренев) /19/. По теории В. Гумбольдта и его последователей, первоначальный язык состоял из одних «корней», т. е. слова не имели ни префиксов, ни суффиксов, ни окончаний. «Слова обладали ясностью и непринужденностью, но в то же время были слишком перегружены многозначностью» /20/.

¹² Эти догадки, благодаря последним публикациям, получают весомое подтверждение. Так, французский мыслитель Рене Генон, говоря о тайных именах Бога в некоторых возрожденческих обществах, сообщал, «что Франческо Барберини в своем *Tractatus Amoris* изображает себя в позе поклонения перед буквой *I (И)*; а в «Божественной комедии» Адам говорит, что первое имя Бога было *I (И)*, а имя, которое пришло затем, было *El (Эль)*. Эта буква *I*, которую Данте называет «девятой фигурой», согласно ее месту в латинском алфавите <...> очевидно, есть не что иное как *iod (iod)*, хотя последняя есть десятая буква еврейского алфавита (а также славянского – «и») десятиричное. – *Ред.*); и действительно, *iod*, помимо того, что она является первой буквой *Тетраграммы*, образует божественное имя сама по себе, будь она изолирована или повторена три раза» /21/. В «Божественной комедии» Адам рассказывает: «Пока я не сошел к томлению Ада, / «И» в дольном мире звался Всеблагой, / В котором вечная моя отрада; // Потом Он звался «Эль»...» («Рай», песнь XXVI, ст. 133–136). Современный русский традиционалист приходит к важным выводам на отечественном материале, демонстрируя «расшифровку старообрядческими полемистами символической нагрузки самого слова «алиллуйя»: «ал» – символизирует Бога-Отца, «илл» – Сына, а «уйя» – Святого Духа. Никакой внятной «научной» аргументацией это утверждение не было оснащено. Все это можно было бы отнести к области курьезов, если бы не исследования Германа Вирта. Уже в XX веке по мере реконструкции протоязыка человечества, в ностратических и даже праностратических его пластах обнаружилось, что древнейшей сакральной формулой обращения к Богу было сочетание трех гласных звуков «а», «i», «u». Получается, что староверы, непонятно каким образом, еще в XVII веке сохраняли древнейшие, тысячелетней давности (а возможно, еще более древние) формы сакрального зывания к Божеству» /216/. А мы добавим, что не менее удивительно, как на излете XX в. автору настоящей книги удалось проникнуть в сокровенную тайну языка. – *Примеч. ред.*

¹³ Если принять А (ДА) как древнейшее имя Господа (а не как «связующее» союзное слово), русские обрядовые песни и былины обогащаются невыразимо поэтичным и глубоко религиозным чувством, потому что почти каждая строка в них тогда зачинается призыванием Божиего имени: А (Бог) й во стольноем во городи во Киеви А (Бог) й у ласкова князя у Владимира А (Бог) начинался заводился да почестной пир и т. д. /22/.

¹⁴ Известно, что в конце XV–XVI вв. соединительное значение союза *а* стало вытесняться значением противительным /23/, а в XVII–XVIII вв. *и* в качестве союза стало вытеснять *да* (это изменение приходится на времена никоновских и петровских реформ, как видно, не случайно). Новейшие издания фольклора окончательно и своевольно избавились от зачинов А, ДА, И – тоже своего рода реформа /24/.

И наконец, особую глубину в этом случае являют Господни слова: «Аз есмь алфа и омега, начаток и конец...» /Откр 1:8/.

Что до упомянутого выше сообщения д'Альвейдра о «звездном» происхождении священного арийского алфавита, то изучение знаков этрусской письменности и сопоставление начертаний некоторых из них с наиболее яркими созвездиями наводят на вполне фантастическую, по нашим временам, мысль: если такой алфавит действительно существовал, то не являлся ли он последовательным соотношением все более отчетливого произношения и освоения звуков младенцем с постепенным проявлением на вечернем небе видимых глазу очертаний созвездий, где некоей определяющей точкой, может быть, являлась Полярная звезда – альфа и омега всех странствующих и путешествующих, всех ищущих познания, всех ощущающих свою связь с Вышним, иначе, говоря на языке древних, – живых.

Эта воистину фантастическая для наших современников гипотеза, возможно, рано или поздно найдет подтверждение¹⁵. По крайней мере, известно, что древней мысли не были чужды поиски такого рода, чему находится много свидетельств.

Отец истории Геродот сообщает, что фараон Псамметих (VII в. до Р. Х.), желая определить, какой из народов на земле является древнейшим, повелел отдать двоих новорожденных младенцев на воспитание пастуху. «По приказу царя никто не должен был произносить в их присутствии ни одного слова <...> Так поступал Псамметих <...> желая услышать, какое первое слово сорвется с уст младенцев после невнятного детского лепета. Повеление царя было исполнено. Так пастух действовал по приказу царя в течение двух лет. Однажды, когда он открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца пали к его ногам и, протягивая ручонки, произносили слово “бекос” <...> Псамметих <...> велел расспросить, какой народ и что именно называет словом “бекос”, и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Отсюда египтяне заключили, что фригийцы еще древнее их самих» /27/ ¹⁶.

И хотя, возможно, Геродот здесь передает всего лишь легенду, от нас не должна ускользнуть суть: детская речь как некий исходный материал входила в круг древних исследований, касающихся языка. А знакомое нам изречение «устаи младенца глаголит истина» некогда могло выражать самые определенные и конкретные знания о праязыке и связанных с ним изначальных именах Бога. «Да! разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу”?» /Мф 21:16/.

Следующая ссылка на материалы древности заставит нас оторвать взгляд от колыбели и обратить его к звездному небу:

«...Лишь одна группа звезд в египетской картине мира приобрела устойчивую, прочную значимость <...> ее важность была связана с победой над смертью. В прозрачном воздухе Египта звезды выделяются своим блеском. Большинство звезд скользят через небосвод по серповидной кривой и исчезают за горизонтом. Но на одном участке неба звезды движутся по меньшей орбите и, ныряя к горизонту, все же никогда под ним не исчезают. Это – около-полярные звезды, обращающиеся вокруг Полярной звезды, те звезды, которые египтяне называли “не знающими уничтожения” <...> В древние времена этот северный участок неба был важной частью вселенной. Очевидно, там не было смерти, а стало быть, это было место вечного блаженства...» /29/.

¹⁵ «Древние народы относились к письменности с благоговением, как к некоему чудодейственному искусству <...> Вавилоняне нарекли создателем письма и счета бога мудрости Набу (небо? – С. М.), сына творца вселенной Мардука (мировой дух? – С. М.)» /25/. «Считалось, что письмена обладают магической силой, так как они являются воплощением сказанного...» /26/.

¹⁶ Фригийцы – «народ, проникший из Фракии в Западную Турцию после падения хеттов»/28/. В древнем именовании фригийцев – *муски* – звучит название *мосхи*, с которыми мы связываем имя нашей столицы – Москвы. Слово *бекос* может транслитерироваться как *Богос* (*Бог*) и *пекос* (*печеное*). В этой связи ср. русское слово *колобок* (буквально: *Солнце-Бог*). Наблюдения о ритуальном значении хлеба могли бы составить отдельную работу.

Какое же отношение имеют эти рассуждения к этрусской письменности? Разумеется, мы пока не можем настаивать на «звездном» ее происхождении. И все-таки считаем вероятным предположить, что знаки этрусских надписей, по крайней мере отчасти, действительно «представляют доподлинно идею своими очертаниями», а кроме того соответствуют рисунку сочетаний звезд, «не знающих уничтожения».

Таковыми прежде всего представляются следующие:

1 (знак, идентичный начертанию арабской единицы; по Гриневичу, соответствует звучанию ПО; его вариант I – по Гриневичу, И). Логично этот знак рассматривать также как несущий значения ПРО (*старый*) – Первый, Единый, Единственный, Высший и Первенец;

q (БА – БЕ, по Гриневичу). Знак, возможно, воспроизводящий своими очертаниями ковш Большой Медведицы – созвездия, которое привлекало особое внимание в древнем мире; знак, дающий в этрусском тексте начало слову БАЖЕ – *Бог* (отметим, что, повернутый вправо, этот знак в современном русском письме означает Р, что отсылает к древнейшему имени Солнца – *Ра*, видимо, принадлежащему пракорням);

М (МО, по Гриневичу) – знак, воспроизводящий очертания созвездия Кассиопеи, обращенного вокруг Полярной звезды, в центре Млечного Пути, в гуще скопления звездной материи. Одновременно этот уникальный по выразительности знак, согласно нашему предположению, символизирует положение женщины в момент деторождения и в связи с этим в ряде случаев может рассматриваться как идеограмма МАТЬ;

↓ (КИ, КРИ – кровь, по Гриневичу). В скандинавской рунической письменности этот знак «указывает на упадок сил» /30/. Может, видимо, расшифровываться как идеограмма КРОВЬ, СМЕРТЬ;

8 (З(Е), по Гриневичу). По нашему предположению, основанному на символике, распространенной у древних народов /31/, может рассматриваться также в ряде случаев как идеограмма ЗМЕЙ. Древнерусское звучание этого слова – *зья* – близко к озвучиванию этого знака Гриневичем.

К сути этих нескольких идеограмм этрусского текста мы, вероятно, только приблизились, ибо исчерпать их значения, в силу общего изменения способа мышления и закрытости от нас знаний, известных древнему миру, едва ли просто.

Теософы, имевшие, вероятно, доступ к неким источникам, связанным с остатками древних знаний, посвятили немало страниц интересующим нас вопросам письма и языка. «...Священные писания пишутся особым, символическим языком <...> Ни одна истина не сообщается в чистом, неприкрытом виде, поэтому писания нужно уметь понимать не только буквально, но и уметь читать между строк» /32/.

Священные знания, связанные с воздействием слова на духовный мир человека и на окружающий нас материальный мир, в ходе религиозной борьбы оказались закрытыми, были извращены и, видимо, по большей части утрачены, что отразилось, в частности, в библейском рассказе о Вавилонском смешении и в мифах о падении Трои¹⁷ и походе аргонавтов за Золотым руном.

На то, что слоговое письмо Перуджианского камня содержит некие особые принципы, как нам кажется, указывают его уникальные, не передаваемые «более прогрессивным» алфавитным письмом качества. Сжатость и нелинейность, многомерность осмысления информации, заложенной в этом тексте, «избыточность» и «регенеративность», позволяющие восстановить смысл даже при утрате части сообщения, – все это поражает неподготовленное воображение, воспитанное на буквенном письме¹⁸.

¹⁷ Систематизатор эзотерических знаний, говоря о причинах Троянской войны, считает, что «осада Трои есть символическое представление похищения человеческой души (Елена) человеком (Парисом)» /33/.

¹⁸ Не это ли столь поразило св. Кирилла, который, как сообщает «Паннонское житие», не только обнаружил в Херсонесе написанные русскими письменами Евангелие и Псалтырь, но «и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседова с

В этой части работы мы предлагаем лишь один из возможных вариантов перевода. Но каждая из переведенных нами строк несет в себе дополнительно огромный объем сведений, которые детально уточняют рассказ и идеальным образом последовательно укладываются в общий контекст (см. приложение 3).

Таково древнее этрусское, а правильное сказать – **русское** письмо, ибо нет необходимости давать новое имя языку, который существует на протяжении тысячелетий.

«Клинописную табличку нельзя читать просто так, “с листа”, исключая те редкие случаи, когда знакомый текст и заранее известное приблизительное содержание текста могли подсказать правильный выбор чтения того или иного клинообразного знака (каждый из которых допускает много чтений). Обычно и для древнего грамотного человека чтение клинописного текста содержало определенный элемент дешифровки, интуитивного угадывания текста» /36/. Это хорошо известное ученым положение справедливо и для чтения текста Перуджианского камня. Его дешифровка велась по схематическому изображению памятника (см. приложение 1). Памятник содержит 24 строки на лицевой стороне (505 знаков) и 22 строки на боковой (183 знака); всего 46 строк (688 знаков, включая точки).

Озвучивание знаков проводилось в основном в соответствии с разработанной Г. С. Гриневичем таблицей «Знаки этрусских надписей» /Гриневич, с. 309/ (см. приложение 2).

В указанном издании Г. С. Гриневич публикует результаты попытки перевода лишь лицевой стороны памятника, причем окончание 20-й строки, а также строки 21 и 22 только озвучены и не имеют варианта разбивки и перевода. Очевидно, затруднения вызваны тем, что в этих строках заключена информация, содержащая целый ряд имен собственных, в том числе исторические топонимы древней Палестины.

Как стало ясно, озвучивание Гриневичем лицевой стороны памятника сделано в основном верно. Мы внесли вероятные уточнения там, где приходилось иметь дело со сходными по начертанию знаками, учитывая возможность искажения изображения на схеме или при их поздней прорисовке на оригинале с целью обновления, а также принимая во внимание вероятную частичную утрату знака вследствие древности памятника.

Для этой цели было подготовлено 46 (по числу строк) специальных таблиц, в которых каждый знак соответствующей строки расшифровывался: 1) по варианту перевода Гриневича; 2) по варианту нашего определения знака с озвучиванием его по таблице Гриневича (в большинстве случаев определения знаков Гриневичем и нами совпадали); 3) с учетом вариантов звучания данного знака, исходя из его возможного искажения на схематическом изображении памятника или частичной утраты (использованы в вариантах разбивки и перевода в единичных случаях).

Работа над переводом дает возможность безусловно подтвердить выводы Гриневича о том, что этрусское письмо является слоговым, причем для него характерны открытые слоги типа СГ и Г (согласный плюс гласный и один гласный)¹⁹. Возможно также, подтвердится предположение Гриневича, что в редких случаях встречаются слоги типа ССГ (сдвоенный согласный плюс гласный), причем при письме один из согласных опускается.

Как удалось установить, при общем слоговом характере письма в данном тексте несколько раз встречаются идеограммы: **1** (*Первый, Первенец, Единый, Единственный, Высший*); **↓** (*Кровь*); **8** (*Змей, Змеи*, возможно – Зевс), т. е. письмо отчасти является смешанным:

нимь и силу речи примь, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа [и] согласнаа, и к Богу молитву творя, въскоре начать чести и сказа-ти, и мнози ся ему дивляху» /34/. Отсюда видно, что сам солунский посланец обучился у некоего русского какой-то особой речи и письму. В приписке к паннонской легенде, вошедшей в состав «Сказания о грамоте русстей», которое внесено в списки полной редакции Толковой Палеи, утверждается, что как русская вера, так и грамота одинаково богооткровенны /35/.

¹⁹ Это характерно и для древнерусского языка. Когда полугласные исчезли из живой речи, в церковном пении «их продолжали “тянуть”: вместо “спас” пели “сопасо” <...> вместо “днесь” – “денесе”...» /37/.

слоговое плюс идеографическое, что характерно для некоторых древних систем письменности.

Направление письма – слева направо – Гриневичем установлено верно. Хотя общий вид памятника: и выравненное правое поле, и единственный заключительный знак боковой стороны текста, помещенный в правой части строки, – как будто свидетельствует об обратном. Мы склонны рассматривать эти особенности памятника как своеобразный прием криптографии, использованный с целью представить запись текста в качестве не-арийской ради сохранения этого особо важного сообщения.

Отступы от края левого поля не соответствуют нашему представлению о красной строке и, возможно, сигнализируют о переносе слова, что в ряде вариантов перевода находит подтверждение, а в одном-двух случаях указывает, вероятно, на утрату знака (и то и другое предположения предстоит уточнить).

Знак (точка, помещенная выше линии строки) несомненно соответствует современной функции точки и отделяет законченные смысловые отрезки речи, хотя помимо простых предложений встречаются сложносочиненные, не имеющие никаких разделительных знаков.

Неполные строки лицевой стороны – 8-ю (занимает правую часть строки) и 12-ю (занимает левую часть строки) – предположительно можно считать утраченными (в связи с чем перевод их неполон), а скорее всего, судя по содержанию соседствующих строк, уничтоженными с умыслом.

Различные варианты разбивки строк (из которых мы избрали для этой части работы лишь один) составили словарь, в который вошло более 150 слов. Слова преимущественно являются двусложными и, как подсказывает ритмика текста, имеют ударение на первом слоге, трех-, еще реже четырехсложные слова имеют ударение на втором слоге. Обращает на себя внимание явственно выраженная ритмичность текста, особенно лицевой стороны памятника: по характеру эта ритмичность напоминает древнерусские плачи.

Текст Перуджианского камня содержит имена собственные, в том числе личные имена и исторические названия городов и местностей древней Палестины, а точнее – известной по Библии Моавитской земли.

При первом же ознакомлении с текстом Перуджианского камня в варианте разбивки Гриневича (с беглой предварительной поправкой) были выделены повторяющиеся – видимо, ключевые – оппозиции: РОЖЕ (*род*) / РОЙ; ИЕРЕ (*иери*) / РАВО (*равнины*), которые и позволили выдвинуть предположение, что речь идет о противоборстве двух народов и двух религиозных систем. Причем автор текста определяет свой народ словом РОЖЕ, а народ противника – РОЙ.

Дальнейшая работа над переводом позволила установить место развертывания описываемых в тексте событий и значительно отодвинуть датировку памятника (к X–IX вв. до Р. Х., о чем подробнее ниже).

При уточнении перевода принималась во внимание лексика древнерусского языка по историческим словарям, а также были привлечены некоторые диалектизмы и немногие слова других арийских, преимущественно славянских, языков.

Применение при дешифровке приемов схеодографии – прочтение по звуковым стыкам предполагаемых слов или созвучий в целом – приоткрыло возможность определить в уже освоенной строке некое новое дополнительное содержание.

Изучение грамматических форм (с учетом возможного приспособления их в данном памятнике к требованиям скорописи) представляет собой задачу будущего.

Весь строй переведенного нами текста перекликается со многими известными древнерусскими памятниками гораздо более позднего происхождения. Речь Перуджианского камня, несомненно, более выразительна и гармонична, нежели современная русская речь, что вызывает определенные затруднения при переводе.

В целом дешифровку памятника можно считать завершённой, поскольку прочтение текста возможно практически в любых вариантах контекста.

Это наш древнейший русский язык.

Далее мы приводим древний текст, которому нами дано условное название «Слово об ариях», и его подстрочный перевод на современный язык. Отточия в прямых скобках соответствуют утраченным отрезкам текста; угловыми скобками обозначены слова, представленные в памятнике идеограммами. Непереводимые слова набраны прописными буквами.²⁰

[СЛОВО ОБ АРИЯХ]

Древний текст

Лицевая сторона

Рече ниже бааре. Аро Роана.
На Аре Воже жемае рой ворежийе.
Ратево аре бе Кие йе жешее
Во бааие Воже реже резмое рово Зъее аре Намо
Мой же намо Розо жена и бе жеремово <Зъее> Роани жена
Боже Поаро роже Ра Ашее апо имо жиро Моаба
Жипо мо е байа мо а Баво вое
Рой ворежийе и изурожий ие во нире войе
Можи реще рече шежийе
Моаба [...] во бааре во наре пожеи йе зъже
Во йерее рони байа моа
Рой ворежийе ймо жирево Ажи.
Вороже йе. Аро войе море ида. Диво.
Имо раже може рово <Зъее> море аво баарйе и реже <Зъее>.

Иере <По>
Живо рево <кри>
Рово вороже РЕЙЕ [...]
А рой ворежийе.
Жеремово <Зъее> щеже и <кри>.
Мо аре е <Зъее>.
Чему аще на жире йе и рово щеже пое йе аворо ира

Йе и на морее
<Зъее> Диворе ни йе ройа бе мо.
Баже Поаро мо ниже рожеи.
Баже Поаро. Наво Ра.
А рой вореже
Реже йе аро во <Зъее>.
Реже РЕЙЕ А рой ройее.
Чему аще жеше соще жити рой.

---

²⁰ Относительная полнота передачи содержания текста может быть достигнута лишь путем воспроизведения всех вариантов разбивки и перевода каждой из 46 строк и сведения их в единый текст. Варианты подстрочного перевода, а также сводный перевод памятника см. в приложениях 3 и 4.

СЛОВО ОБ АРИЯХ

Перевод

Лицевая сторона

Речь ниже боярам. Арии Рояна.
Нашу Арийскую Вожу прижимает рой вражий.
Ратичи ария бой-Кия ими сожжены.
На певучей Воже резья режут раво Змея ариев Наамы.
Мое же имя Роза, жена, и была пожерта Змею Рояна жена.
Боже Правый, род Ра! Ашея надежду имет – жиро Моаба.
Отчине моей сказ мой о Баво-вое.
Рой вражий и прокаженные их в башне воют.
Мужи рекут речи глумливые.
Моаба [...] во бояре во яме заживо они сожгли.
Вот иереям Руна повесть моя.
Рой вражий имеет жертвище Яжи.
Ворожат они. Ариев-воев морят, идолы. Дивы.
Имут родовитых мужей равы Змея, морят старцев боярских
и режут Змею.
Иереи Единого!
Жив зов крови.
Раво ворожат РЕЙЕ [...]
Ай, рой вражий.
Жречище Змея жестоко и кроваво.
Мы – арии есть! Змеи,
Чому еще наше жиро им и равы щедро поят им утреннюю
зарю?
Они и нас морят.
Змеи Диворы, не их рода мы.
Боже Правый мой, низкородные.
Боже Правый! Мертвое солнце их...
А рой ворожит,
Режут они ариев, вот змеи.
Режут РЕЙЕ.
А рой роится.
Чому еще губит сущую жизнь рой?

Ай рой ни Баже
Реще аро й воже роже Наамо
А й ни аро й ворежийе. РЕРОЙЕ.
Баво мое Баво вое рой воре жече. Ейе же.
Жиро зъже Наи жийе жиро Моаба
Жиро зъже Наво реже Рааба вое
Имо воцеи <кри> може Ра Моаба
Мой же намо Розо жена
Аро жешее рово <Зъее>
Аро войе моа
Навоворе же ж(р)емово на вожи бааро РЕРОЙЕЙЕ

Баже Поаро. Роже Ра.

Боковая сторона

Мосу Ра <По> воре жече
Йевони су роже Ная попо.
И йе зъже роже и жиро аре <По> Мосу

Кише воре во <Зъее>.
Ида ида реже <По> Мосу
Чедо можи и вожи роже бааро й воре жече йесо.

Жиро войе йесо
Йе можи рово баводе
Йевони сужени жиро во вое.
И йе зъже роже. И [...] во Зъее.
Мо соище воро воро жипо.
Мо аро воре жече Ашее.
Со рово Зъее со рой рой же.
И рече бе вода Кие
Аро вои Бажени
<Кри> рово воре и вое со йе.
<Кри> ире даре во
<Кри> во
<Кри> йнийа
<Кри> жийе же.

Ай, рой не Божий!
Рекут, арий – вождь их, рода Наамы,
А он не арий, он вражий. РЕРОЙЕ.
Баво моего, Баво-воя рой воров сжег. Ей же!
Жиро жгут Ная – живое жиро Моаба.
Жиро жгут Наава, режут Раабы воев,
Имут вещью кровь мужей Ра Моаба.
Мое же имя – Роза, жена.
Ариев жгут равы Змея.
Аро, вои мои!
Навоверы приносят в жертву наших вождей боярских
РЕРОЙЕИИЕ.
Боже Правый! Род Ра.

Боковая сторона

Мессию Ра, Первенца, воры сожгли,
Иевония от рода Ная, попа.
И весь сожгли род и жиро арийской семьи – Первенца, Мессию.
Куша воры, вот змеи!
Идолы, идолы, принесли в жертву Первенца, Мессию,

А чада, мужей и вождей рода боярского они, воры, сожгли, иесо.
Жира воры – иесо.
Их мужи-равы наводят.
Иевония-инока священная кровь вот, вои.
И они сожгли род. И [...] вот змеи.
Мы соищем воров – воров жизни священного рода.
Мы, арии, сожжем воров Ашеи.
С раво Змея, с роем, роем же.
И речь была воеводы Кия:
Аро! Вои Божии!
Смерть раво-ворам и воям их!
Кровь священного дара вот!
Кровь вот.
Кровь скинии.
Кровь живая.

Таков этот плач, этот сказ, эта *байя* – страстная параллель ветхозаветному преданию /4 Цар 3/.

Слишком много времени – три тысячелетия – разделяют нас. Много вызовет здесь изумление и сомнение. Ряд вопросов, возникших по ходу чтения, несомненно снимется при чтении подробного перевода и комментариев к нему.

Но главное для понимания этой работы – отринуть глубоко сомнительный и, как представляется, порочный принцип, утвердившийся в современном языковедении, согласно которому два имени, одинаково звучащие в разных языках, не имеют ничего общего /38/. **Такой подход дробит живое единородное слово, делает недоступными заключенные в нем знания и не позволяет составить цельной картины мира: прошлого человечества, его веры, его истории.**

Пусть опорой в нашей работе станет суждение И. Канта: «... задача исследователя древности стоит в том, чтобы, руководствуясь *языковым родством*, проследить происхождение современных *религиозных понятий* у различных народов» /39/.

Опыт получения информации исходя из самого языка – путем собирания и сопоставления созвучных слов, – несомненно, вызовет бурный протест среди специалистов, однако он был известен и Шумеру и Древнему Египту /40/, и можно не сомневаться, что наука вернется к нему и признает его. Другое дело, что подобные исследования на материале современных языков подчас приводят к поразительным, с трудом поддающимся осмыслению противоречиям, – и это есть грозные симптомы распада единого языка как последствия распада некогда единой веры.

И теперь нам остается только отправиться на правую сторону Иордана в Моавитские земли – место, которое сами древние русские называли МОАБ.

«*Моав, моавитский, моавитяне* (потомство отца) /Числ 22:1; 33:48–50 и др./ – страна, находившаяся на востоке от Мертвого моря, по обеим сторонам реки Арнон. Жители этой страны назывались моавитянами, по имени Моава, сына Лотова от его старшей дочери. Моав был родоначальником моавитян /Быт 19:30–37/» /БЭ, с. 479/.

Итак, события, описываемые в тексте Перуджианского камня, происходят не в мифической, никому не известной стране, но среди народа, многократно упоминаемого в Ветхом Завете в качестве заклятого врага иудеев.

Земля Моавитская не покорилась противнику во все дни существования царств Иудейского и Израильского. Южная ее половина, судя по историческим картам, даже формально не принадлежала ни одному из двенадцати израильских колен.

Самое имя Лота, родоначальника моавитян, а также сведения о нем и его потомстве несут на себе печать недоговоренности и тайны, попытка постичь которую, опираясь на библейские имена и иносказания, после тысячелетий искажения истинного языка может лишь запутать дело и привести к неправильным, далеко идущим по последствиям выводам. И потому постараемся опираться в рассуждениях только на самые надежные источники и известные факты.

«*Лот* (покров, покрывало) /Быт 11:27; 2 Пет 2:7–8; Лк 17:28–29/ – сын Харрана, племянник Авраама. За исключением Сары, Лот был единственным родственником, сопутствовавшим патриарху Аврааму при его переселении в землю Ханаанскую» /БЭ, с. 436/.

Из Ветхого Завета известно о разделении Лота с Авраамом, о жизни его в Содоме, о разрушении этого города, обращении жены Лота в соляной столп и спасении Лота с дочерьми в городе Цоар, или Сигор, откуда Лот удалился в пещеру, «где от старшей дочери родился ему сын Моав (родоначальник моавитян), а от младшей Аммон (родоначальник аммонитян)» /БЭ, с. 436/.

Более Ветхий Завет не упоминает о Лоте, но оправдывает жестокое истребление его потомков их позорным происхождением.

Лишь Новый Завет **восстанавливает** имя Лота. Ап. Петр вспоминает его как **праведника** /2 Пет 2:7–8/, а ап. Лука ставит на одну ступень с праведным Ноем: «И как было во дни Ноя <...> ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп, и погубил всех. Также как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Sodoma, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех» /Лк 17:28–29/.

Что же стоит за именем моавитян? За признанием Лота, якобы согрешившего грехом безмерного пьянства и кровосмешательства, – **праведником** в Новом Завете?

Богословие однозначно оправдывает Лота на том только основании, что согрешил он с дочерьми, дважды опоенный ими до беспамятства, будто это на самом деле не усугубляет содеянного и будто бы сама церковь не рассматривает пьянство как начало прочих тяжких грехов. Наука, в данном случае, кажется более объективной. Современный переводчик и комментатор Пятикнижия Моисеева считает, что ветхозаветный рассказ о Лоте – это «фольклорный сюжет, разрабатываемый с целью приписать врагам Израиля, Моаву и Аммону, позорное происхождение от кровосмесительного греха. Аналогом данного предания является уга-ритский миф о рождении благих богов – Шахару и Шали-му – от брака верховного бога Илу с его женами и дочерьми – Асирату и Девой» /41/.

Помня о характеристиках, данных праведному Лоту Новым Заветом, скорее согласимся с этой точкой зрения и поддержим ее двумя краткими и, пожалуй, безусловными дополнениями.

Первое. Имя *моавитяне*, *моав* действительно можно перевести как *потомство отца* – *Мы Аввы*, но с одной, все определяющей, оговоркой.

«*Авва* <...> сиро-халдейское слово, означающее *отец*, встречается только три раза в Новом Завете <...> Оно выражает собою высшую степень искренней любви, доверенности, покорности, равно как дружеского общения. Слово *ав* (означающее *отец*) употребляется как одно из первых и простых лепетаний у маленьких детей» /БЭ, с. 10/.

В русском языке это «непередаваемое» слово также означает *отец* – так называют настоятеля монастыря либо монаха-старца /СлРЯз XI–XVII, вып. 1, с. 19/. Иначе говоря, русский язык сохранил это будто бы чужое непередаваемое «сиро-халдейское» слово в том высоком значении, которое вложил в него Господь.

Второе. Имя праведного Лота на всех этапах его жизни (даже и после свершившегося якобы греха) остается в Библии неизменным. И это чрезвычайно важно, поскольку «изменение имени отражает изменение внутренней природы его носителя» /42/, а древние глубоко понимали сущность имени.

Неизменность имени Лота, упоминаемого апостолами как праведника, не подсказывает ли нам, что Лот сохранил свою веру непогрешимо: от исхода вместе с Аврамом из Месопотамии – до окончания жизни старцем, печерником, *аввой*.

Происхождение имени аммонитян нужно, видимо, искать в Египте, куда, отметим, заходили на некоторое время Аврам и Лот по выходе из Месопотамии и откуда, вероятно, вместе с аввой Лотом вышла некая группа людей, унося с собой египетские²¹ религиозные представления об Амоне Ра – Солнце. Считается, что это был языческий культ, в котором Солнце почиталось не как самое светило, а как обнаруживающееся в нем существо (или видимая ипостась Бога), хотя Фрейд и некоторые другие исследователи сходятся на том, что такие представления о Солнце сложились в Египте позднее /43/. Более глубокое изучение этих представлений могло бы пролить свет на мировоззрение, предшествовавшее христианству²². Следы его не единожды обнаруживаются в Новом Завете. «Ибо все вы – сыны света и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы» /1 Фес 5:5/.

Если отстраниться от ветхозаветной бытоописательной канвы и сосредоточиться на ключевых моментах, выраженных иносказательно (таких, как исход Аврама и Лота из Месопотамии именно во времена распада единого языка или разделение Аврама и Лота в Ханаане), а также проникнуть в смысл имен собственных, сопряженных с этими событиями, то представления о причинах исхода Аврама и Лота из Вавилонии, а также их миссия в Египте и Палестине, может быть, окажутся более ясными. Однако это область работы скорее духовной, нежели научной, и мы воздержимся вторгаться в нее столь глубоко.

А потому вернемся к нашему памятнику и связанным с ним общедоступным материалам.

Перуджианский камень называет край, где жили моавитяне, МОАБ (ср. совр. *Моавит* – название одного из районов Берлина, города, основанного славянами). Замена *б* – *в* не противоречит языковым законам, и, главное, сущность имени не меняется: МО (Мы) – А (изначальное имя Бога) – БО (*Бог*). Символично, что в самоназвании *моавитяне* современное ухо отчетливо слышит слово *обет*.

К моменту появления иудеев в землях Моаба после «плена Египетского» и сорокалетнего странствования в пустыне расхождения в вере меж потомками Авраама и Лота оказались столь непримиримы, что в Пятой книге Моисеевой сказано: «Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки» /Втор 23:3/. В современном переводе это звучит: «Пусть не входит аммонитянин и моавитянин в собрание Яхве никогда» /44/. А так и не покоренные заиорданские земли были определены Моисеем во владение коленам Рувимову и Гадову и полуколену Манассиину /Числ 32/.

В одной из сохранившихся надписей моавитского царя Меша упоминается о том, что «мужи-гадитяне жили в стране Атарот издавна» /45/. В соответствии с фонетическими законами это имя можно воспроизвести и как *Атарод*, из чего мы, кажется, узнаем еще одно название Моаба: *Ата Род* – *род отца*, ибо, по Далю и Фасмеру, *ата* – восточнорусское *отец*,

---

²¹ Или арийские? Среди древнерусских имен встречаются имена несомненно египетского происхождения, как, например, *Ха-мун* (египетск. *Амон*).

²² В последующих частях работы мы попытались приподнять завесу над этим мировоззрением.

дядя /Даль, т. I, с. 27; Фасмер, т. I, с. 95/, хотя это слово тут же и относят к тюркским заимствованиям, очевидно, не улавливая более ранней и простой формы русского *отец*²³.

Особо подчеркнутое признание себя потомством, детьми Отца (Бога) традиционно для многих древних народов, между прочими, и для самих иудеев:

«Сказали Ему (иудеи. – С. М.) в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы; а теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал; вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от любодения рождены; одного Отца имеем, Бога. Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего...» /Ин 8:39–44/.

Вот то небольшое, что следует сказать в оправдание потомков праведного Лота.

Между тем Библия разделяет «Моав» (моавитян) и «сынов Лотовых» /Пс 82:7, 9/ и недвусмысленно указывает на то, что моавитские земли населяли не только потомки Лота, но и другой народ – потомки Сифа («...Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» /Числ 24:17/). Сиф – третий сын патриарха Адама. От рода Сифа происходят Енох – допотопный пророк и праведник, взятый Господом на небо живым, и патриарх Ной, спасшийся во время всемирного потопа, а также, «вероятно, сыны Божии, о которых говорится в кн. Бытия /6:4/». Причем «предание приписывает Сифу изобретение букв» /БЭ, с. 654–655/. Здесь уместно вспомнить утверждение д'Альвейдра, что арийский алфавит является древнейшим, а также религиозную традицию, согласно которой славяне издавна называются потомками Сифа.

Подтверждение этим рассуждениям находим в еще одном древнем имени Моаба – *Ар* /Втор 2:29/. И это имя, кажется, уже не дает возможности никаких разночтений и не оставляет сомнения относительно того, что народ ариев – как называют себя русские в тексте памятника – населял прииорданские земли еще до прихода праведного Лота.

Имя страны *Ар*, спустя много веков, мы внезапно обнаруживаем в арабских источниках. «И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров и горностаев и превосходных белок...» – так Абу Хамид ал-Гарнати описывает страну восточных славян /46/.

Теперь осталось пояснить, что связывает текст Перуд-жианского камня с библейскими событиями и на каком основании датировку этого памятника с научно признанной (VI–V вв. до Р. Х.) возможно перенести на конец X – начало IX вв. до Р. Х.

Первая строка боковой стороны памятника звучит так:

МОСУ РА 1 (ПО) ВОРЕ ЖЕЧЕ,

чему соответствует перевод:

Мессию Ра, Первенца, вору сожгли.

Самое имя МОСА (МОСЕ) несомненно связано с древнейшими религиозными представлениями о Мессии. О том, что человеческий мир знал о приходе Спасителя задолго до евангельских времен, свидетельствует, в первую очередь, богословская литература. Чтобы подтвердить эту точку зрения другими сведениями, прежде всего обратимся к имени вождя и законодателя двенадцати израильских колен – Моисея. Вот как объяснял его английский египтолог Дж. Брестед: «Примечательно, что его (этого вождя) имя, Моисей, было египетским. Это просто египетское слово *mose*, означающее *дитя*, и оно является сокращением более полных форм имени, как например, Амон-мосе, т. е. Амон-дитя, или Птах-мосе, Птах-

²³ Эта форма часто встречается в древнерусских именах: *Пуця-та, Вышата, Нежата* и т. п.

дитя <...> Имя *дитя* стало вскоре более удобной заменой многосложных полных имен, и форма имени *Мосе* нередко встречается на египетских памятниках» /47/.²⁴

Позволим себе внести серьезную поправку в эти представления. Со времен Древнего Царства считалось, что сын земной женщины фараон вместе с тем является сыном, происходящим от тела бога Солнца Ра /48/. И можно с достаточной уверенностью предполагать, что входящее в состав сложных египетских царских имен имя *Мосе* означало не просто *дитя*, но *дитя солнечной царской крови, дитя священного рода* или нечто подобное по смыслу.

С именем *Мосе* связаны не только имена некоторых египетских фараонов и Моисея, но и глубокие духовные поиски древних цивилизаций, что ясно отражено как в личных именах древности, так и в топонимах.

Древнейшее арийское учение Заратуштры утверждает, что царь света Ормузд²⁵ действием воли и Словом своим сотворил первое человеческое существо, из семени которого «впоследствии извлек первую человеческую чету, *Мешиа* и *Мешиану*» /49/.

Названия двух древнейших цивилизаций несомненно несут в себе имя *Мосе*: *Месопотамия* (или Междуречье – территория современных Ирана, Ирака и Кувейта), где зародился древний Шумер, а позднее процветал библейский Вавилон (по-еврейски – Сennaар²⁶), и *Мицраим* (еврейское название, означающее *смешение*), он же древний Кем – современный Египет – и др. – русск. *Миср*. Мы найдем это имя в разных его транскрипциях в именах древнейших народов, из которых пока укажем только на самое интересующее нас: мосхи.

О возможной связи народа мосхов и имени Москвы с именем внука Ноева, сына Иафетова Мосохом (Мешехом) написано немало. Теория «Москва – Мосох» занимает исследователей уже не первое столетие. Ее противники ссылаются на неоднократные негативные упоминания о Мосохе ветхозаветным пророком Иезекиилем.

«Сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Ма-гог, князю Роша (русс. *Рос*; в Острожской Библии – «князю Росску». – С. М.), Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество» /Иез 38:2/. Пророчество же состоит в том, что Бог Израиля принесет эти вышедшие «от пределов севера» народы (или народ) вкупе со многими другими (персами, эфиоплянами, ливийцами и проч.) в «великую жертву», так что птицы и звери полевые будут «есть жир до сытости и пить кровь до опьянения» «всех откормленных на Васане»²⁷ /Иез 38:39/.

Библеистика в большинстве упоминаний отождествляет имя Магог со скифами и, опираясь на сообщение Геродота о походе скифов на Палестинские земли до границ Египта (VII в. до Р. Х.) и их последующем страшном поражении /50/, считает пророчество Иезекииля исполнившимся.

Другие же склонны видеть в этом предсказании переключку со строками Откровения Иоанна Богослова о последних временах, где также упоминается грозное имя Гога и созвучное ему – Магог.

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их – как песок морской.

И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный.

И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» /Откр 20:7–9/.

Вопреки общепринятому, остережемся пока именовать весь народ (или народы) Гога и Магога «врагами Божиими». Прежде всего потому, что, мощные по силе, эти имена до

²⁴ Ряд источников указывает на то, что Моисей был сыном дочери фараона.

²⁵ Эта транслитерация может быть заменена более прозрачной: *Ор-Муж* или *Ор-Муж-Да* (*Арий – Муж Правый*). Самое имя *Ормузд* содержит также основу *Мосе* (муз).

²⁶ Один из смыслов этого названия, вероятно, раскрывается как *Сыны Арийские*.

²⁷ О древних врагах иудеев – исполинах земли Васанской – и не изученной пока близости имен васанских и древнерусских следует говорить в отдельной работе.

времени не раскрыты. А также потому, что, с поправкой на всегда спорную в таких случаях пунктуацию, в этом стихе Апокалипсиса можно видеть не вообще все народы «земли Гога и Магога», но лишь часть их – именно **прельщенную** часть, среди которых ни Роса, ни Мешеха поименно не находим.

Что же касается противоречивых сведений о Мосохе и мосхах, имена которых в истории оказались связанными с именами многих, в том числе очевидно неарийских, народов, то не забудем напомнить, что рядом с именем Мосоха-Мешеха, сына Иафетова, в Библии упоминается Мосох-Ме-шех, сын Симов /1 Пар 1:5, 17/.

Библейские тексты неоднократно преподносят нам эти таинственные имена-дубли, затемняющие суть религиозной истории, начиная с Еноха, сына Каина, и Еноха, живым перенесенного Богом в жилище блаженства, так что он «не видел смерти» /Евр 11:5/.

К связи имени нашей столицы с именем Мосоха и мос-хов, видимо, придется вернуться неоднократно. Еще М. В. Ломоносов высказывался по этому поводу: «Мосоха, внука Ноева, прародителем славянского народа ни положить, ни отречи не нахожу основания» /51/.

И к этому поныне не разрешенному вопросу рискнем присоединить еще не встречавшиеся, кажется, соображения.

Насмешливое украинское прозвание москвичей и вообще русских *москали*, на наш взгляд, уводит во времена по крайней мере не позднее похода аргонавтов за Золотым руном в Мосхийские горы (западная часть Малого Кавказского хребта), где колхи (*кохлы*, *хохлы* – обычная языковая метатеза, как *медведь* – *ведмедь*) обитали в то время рядом с мосхами (*москалями*), имя которых и сохранилось в названии этой территории. Возможно, им, колхам-хох-лам, и принадлежало в то время нечто, связанное со священными знаниями о слове, известное нам из греческой мифологии как Золотое руно. Между прочим, аргонавты совершали свой поход под знаком змея, а наименование их корабля неслучайно дало современное слово *жаргон* и указывает на утрату ими священного знания. Мосхи же, согласно смыслу их имени, вероятно, были хранителями рода священной крови. (*Мосхи* – МОСО КИ, *Мессуанская Кровь*; *кохлы* – КОЛО КИ, *Солнца Кровь*.) Колхи утратили Руно, и с тех времен о нем не осталось никаких сведений.²⁸

Разумеется, настаивать на этой версии, требующей детального изучения, преждевременно. Мы посчитали необходимым хотя бы кратко изложить ее потому, что в «Слове об ариях» встречаем понятие ИЕРЕ РОНИ, которое перевели как *иереи Рун*, или *иереи Священного письма*, *иереи Священного Слова*. О том, что древние тексты могли нести одновременно несколько разных пластов информации, включая эзотерическую, тайную, специалистам по древнему письму известно²⁹. Не это ли тайное знание привлекало аргонавтов? И не его ли хранителями были ИЕРЕ РОНИ Пе-руджианского камня?

Но вернемся к имени *Мосе*. В разных транскрипциях: *Моисей*, *Муса*, *Моса*, *Меша*, *Меса*, *Месе(на)*, *Мезе(нций)* и др. – оно время от времени встречается в Библии и других древних источниках. У русских оно отчетливо различимо в уменьшительных (от еврейских будто бы имен) *Маша* и *Миша*.

С точки зрения пракорней или по крайней мере арийских, и прежде всего славянских, языков это двусловное имя может быть осмыслено как: *Мой Суций*, *Мой Благий*, *Единый*

²⁸ Память о священном Золотом руно сохранилась в русском слове *рюень* – *сентябрь* /Фасмер, т. III, с. 532/. Видимо, сентябрь издревле был месяцем начала учения, в которое традиционно, судя по русским былинам, отдавали с семи лет. По былинам же известны «ярлыки скорописчатые»: «Садился Васька на ременчатый стул, / Писал ярлыки скорописчатые» /52/. Ярлык – «договорная грамота», «грамота вообще, письмо» /Срезневский, т. III, стб. 1661/. Скорописчатыми могли называться те, что писались именно клинописным (руническим) письмом, поскольку оно более приспособлено к скорописи, чем письмо буквенное.

²⁹ К примеру, на основе одного египетского иероглифа, как утверждают специалисты, из текста можно извлечь понятия Бог, жрец, судьба, фараон.

со *Мной, Мне Равный* или *Мне Подобный* – МО СУ(СЕ,СО) /Фасмер, т. III, с. 539–540, 586, 591, 791/³⁰.

В русском языке это отчужденное в ходе религиозной борьбы слово сохранилось напоминанием в ласкательных *масенький* и *мизинец* (ср. египетское *дитя*), а также в словах *муж*, *мочь* – «сила, возможность», *мощи* – «тело умершего, прославленное нетлением и чудесами» /Срезневский, т. II, стб. 180–181/, – и искони, видимо, означавшими именно мощь духовную.

В свою очередь представления о мочи как силе продолжения рода связано с древнейшими знаниями народов о том, что всю силу рода несет в себе первородный ребенок /Втор 21:15–17/. (Этим, видимо, и обусловлены стремление библейского Иакова «перекупить» право первородства у брата Исава, а также акты избияния первенцев в Ветхом Завете).

Во всяком случае, так мы можем объяснить, почему в тексте Перуджианского камня вслед за именем МОСЕ РА идет идеограмма 1, что мы и переводим как *Первый*, а точнее – *Первенец*.

А теперь, после самых кратких и необходимых пояснений, вернемся в моавитские земли – в Моаб.

Поскольку события, описанные в тексте Перуджианского камня, происходят именно здесь, на что указывает и сам топоним Моаб, и имена многих других городов, расположенных на его территории, а также в силу особенности имени МОСЕ, естественно было обратить внимание на один из библейских эпизодов, связанных с именем моавитского царя Меса (или Меши).

Исходя из библейского рассказа и хронологии библеиста А. П. Лопухина /53/, можно предположить, что описанные Ветхим Заветом события, столь точно совпавшие с событиями текста Перуджианского камня, происходили в конце X – начале IX вв. до Р. Х. при десятом царе израильском Иораме (Иегораме) и отражены в Четвертой книге Царств /гл. 3/.

Краткий сюжет библейского рассказа таков. Моавитский царь Меса отказался платить дань израильскому царю Ио-раму. Иорам вторгся с войском во владения Меса, разбил его, опустошил страну и осадил укрепленный город Кир-Харашет (по «Библейской энциклопедии», он же – Карха-рес, Харакома, Керех, Кир-Моав, Раббас, Раббас-Моав, а также Ар-Моав и *Ариополь* /БЭ, с. 63, 592/), в котором Меса затворился с остатками своего войска. Попытка пробиться сквозь израильскую осаду удачи не принесла, и в отчаянии моавитский царь якобы решил страшную жертвой умиловать разгневанных, по его мнению, богов: на городской стене, в виду вражеского стана, он принес во всеожжение первородного сына, наследника престола. «Это произвело большое негодование в израильтянах, и они отступили от него и возвратились в свою землю» /4 Цар 3:27/.

Следуя традиции, наука предполагает в моавитянах язычников и называет по крайней мере двух моавитских божеств: Кемоша или Кимоса (ошибочно разбитые слова: КИ МОСЕ – *Кровь Мессии* или КИ МОЖЕ, как в нашем тексте, – *Кровь Мужей*) и Пеора. В приложении 3, где приводится пословный перевод, мы подробнее остановимся на имени «второго божества» – *Пеор*, которое в нашем тексте звучит как ПОАРО, но специалисты по языку несомненно увидят, что в нем присутствует сочетание ПРО АРО, и, может быть буквально, мы присутствуем при рождении современного слова *Правый* (через переходные формы ПОАРО – ПОВАРО – ПОРОВО – ПРАВО).

Итак, мы убедились, что сам моавитский текст не упоминает никаких «языческих божеств», кроме Единого Правого Бога: БАЖЕ ПОАРО может быть переведено как *Боже*

---

³⁰ Дошедшее до нас из древности название таинственного растения (гриба?) или вещества – *сома*, из которого приготавливали *напиток бессмертия* богов, по своим корням соответствует этому имени.

Правый, а с учетом идеограммы 1 – *Боже Единый* (или *Первый, Высший*) *Ариев*. Кроме того, как уже упоминалось, этот знак имеет в рассматриваемом тексте двойное звучание: ПО и И. А следовательно, имя ПОАРО может быть озвучено также как ИАРО (*Иеро – Святой*). И это единственное, но столь многозначное Божие Имя рефреном проходит через всю лицевую сторону текста камня.

Это заставляет предположить, что ветхозаветное повествование **прикрывает** подлинный смысл и течение событий. Тем более что на протяжении столетий именно сами израильтяне были активными участниками человеческих жертвоприношений: от библейского праотца иудеев Авраама, по милосердию Господню устоявшего пред этим искушением, и до времени Спасителя Библия систематически упоминает об этих жестоких, как раз *языческих*, жертвах.

В качестве примера можно напомнить, что и спустя десятилетия после моавитских событий, при иудейском царе Ахазе, человеческие жертвоприношения среди иудеев не прекращались. Сам Ахаз «всецело отдался господствовавшему злу: воздвигал идолов Ваалу и приносил в жертву Молоху собственных детей в долине Еммоновой» /54/. И значительно позднее, при царе Иоакиме, «под самыми стенами Иерусалима опять раздавалось дикое торжество безумцев, приносивших своих детей в жертву Молоху» /55/.

За обличение сограждан в этих страшных культах пророк Захария был забит камнями «между храмом и жертвенником» /Мф 23:35/, а пророк Исаия, по преданию, распилен пополам /56/.

Такие способы расправы с инакомыслящими и иноверцами не были единичными в истории древних иудеев. И пророк Исаия не единственный, кто принял от их рук столь мученическую смерть.

Во время войны с аммонитянами (родственными, как помним, по праородителю Лоту части населения моавитян, их соседями и зачастую союзниками), их столица Равва и прочие города были разрушены израильтянами, а народ, бывший во взятых городах, вывели и клали «под пилы, под железные молотилки, под железные топоры» и бросали в «обжигательные печи» /2 Цар 12:31/.

На иудейских жертвенниках всеожжений в разные периоды истории приносилась в жертву не только кровь животных, но и человеческая кровь. «Библейская энциклопедия» сообщает со ссылкой на книгу Левит /4:12–13/, что «священный огонь, обычно горевший на означенном жертвеннике, постоянно поддерживался» /БЭ, с. 257/. Как тут не вспомнить Заратуштру и его осуждение захватнических народов с их жрецами, требующими от народа обильных кровавых жертв!

Кровь с жертвенника отводилась в поток Кедрон, и глубоко символично, что именно в этой долине в последнюю ночь перед распятием Спаситель наш Иисус Христос молился до кровавого пота – сама долина была насквозь пропитана жертвенной кровью. В той же долине Кедрона, считают иудеи и магометане, будет происходить последний Страшный Суд /БЭ, с. 387/³¹.

Вот эти-то и многие другие факты заставляют усомниться в точности ветхозаветной трактовки причин внезапного отступления израильтян от Моаба.

То, что жертва здесь была принесена, подтверждает и древнейший русский текст Перуджианского камня. Но это не было рядовым жертвоприношением, и свершили его не моавитяне.

МОСУ РА 1 (ПО) ВОРЕ ЖЕЧЕ ЙЕВОНИ СУ РОЖЕ НАЕ ПОПО.

³¹ С точки зрения исследования пракорней название *Кедрон*, возможно, означает: *Кровь* (КИ, КРИ) *Правого* (ДА) *Солнца* (РА); а также: *Кровь – Дар Наш*.

«Мессию Ра, Первенца, воры сожгли, Иевония от рода Ная попа» – таков, кажется, наиболее верный вариант озвучивания первых двух строк боковой стороны памятника.

Остается только предположить, что в своем рассказе об этих событиях Ветхий Завет прибегает к своеобразному способу шифровки, лишь намекая на событие (перенос имени Месы с первенца царской крови на личность моавитского царя) и стремясь до времени сохранить от непосвященных истинную цель набега на Моаб: истребление царского первенца священной крови³², видимо, уже отмеченного неким Божиим Знамением.

Это событие в истинном его свете и запечатлели сами моавитяне на Перуджианском камне.

Понятно, что уже ничто после свершившейся богопротивной жертвы не задерживало израильтян, и, опасаясь гнева потрясенного Моаба, они поспешно отошли под защиту своих земель.

Являлось ли моавитское дитя Помазанником Божиим,

Библия умалчивает. Как отразились эти события на современном им мире – неясно.

Но доподлинно известно, что начало первого тысячелетия до Р. Х. отмечено глубоким упадком местной культуры: «...искусство приобрело ярко выраженный интернациональный характер. Стало нелегко различать стиль и манеру исполнения отдельных народов <...> В это время не было круглой скульптуры <...> А если она и встречалась, то мы видим грубое, выполненное в общих чертах изображение <...> Появление этой черты совпало с распространением политического влияния арамейцев, поэтому ее и считали признаком арамейского искусства. Маловероятно, чтобы семитские бедуины, даже перешедшие к оседлому образу жизни, в состоянии были создать какое-либо направление в искусстве <...> К сожалению, нам мало известно о живописи рассматриваемого периода» /57/. О культурном обнищании Востока в этот период сообщают многие исследования, а это несомненно свидетельствует о глубоком духовном потрясении.

Разумеется, эти построения гипотетичны, и нам могут заметить, что, возможно, они зиждутся на ряде случайных совпадений и ошибочно сопоставленных фактов. Дело будущего – отсеять случайности и ошибки.

И все же мы не можем не отметить еще один поразительный факт: имя собственное моавитского МОСЕ (будь это всего лишь слово, означающее *дитя*) – ИЕВОНИЙ. Как близко оно к зазвучавшему спустя тысячелетие имени ИОАНН!

Касаясь этого имени, П. А. Флоренский писал: «Знаю, что самое русское имя – Иван. Кротость, простоватость (или простота). У меня ноет желание, “желание чрева моего”, иметь сына Ивана» /58/.

Случайна ли преданная любовь русских к этому имени, если принять во внимание, что имя патриарха *Ноя* в «Слове об ариях» звучит как *Най* и обратное его прочтение дает «Йан»? Может быть, оно сопровождает наш народ на всем его незапамятно долгим историческом пути.

Господь дал имя нашему Предотече еще до его рождения /Лк 1:13/.

«...Из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя...», – говорит Иисус Христос /Лк 7:28/. От него и принял Спаситель обряд крещения – обряд, не принадлежащий иудейской вере и ни разу не упоминаемый в Ветхом Завете, – чтобы «исполнить всякую правду» /Мф 3:15/.

И это последнее слово побуждает нас думать.

³² Как явствует из текста «Слова об ариях» – инока и воина. Какая знакомая нам по судьбам монахов-воинов Пересвета и Осляби традиция и какое самоотверженное служение Господу рода, отдающего на иноческое служение всю свою мощь и силу – первенца рода!

Часть II

Виноградная лоза

Древнейшее русское правоверие как основа христианства

*Ной начал возделывать землю и насадил виноградник.
Быт 9:20*

1. О язычестве Руси

«...Желающий найти истинную Церковь Христову может сделать это с помощью исторического исследования», – писал митрополит Иоанн /1/. Но сколь нелегко последовать этому совету после многовековых наслоений искренних заблуждений и злонамеренной лжи!

Разительно далеки даже нынешнее официальное православие и старообрядчество, между которыми лежит и всего-то три столетия. Преобладающее большинство русских, включая духовенство, знает о старинной вере предков, предшествовавшей никонианству, меньше, чем о язычестве древних греков.

Еще скуднее осведомленность о славянском язычестве, в особенности о **«язычестве русском»**, вызывающем неугасимый научный интерес. Факт его существования воспринимается как аксиома, однако **что оно представляло из себя в действительности и существовало ли вообще когда-либо?** Было ли это «классическое» язычество или некая другая, не известная нам вера? **Что такое русское двоеверие, столь глубоко (до наших дней) укоренившееся в русском сознании и тесно переплетающее христианские и языческие будто бы обряды?**

Мы вправе задаться этими вопросами прежде всего потому, что никакой ясности в науке по поводу русского язычества не существует. И хотя источники сведений о славяно-русском язычестве «довольно разнообразны, но среди них нет ни одного прямого, достаточно полного и, главное, “внутреннего”, представляющего саму языческую традицию источника, который можно было бы признать вполне надежным и адекватным передаваемому содержанию. Информация о богах заведомо неполна, обычно дается в освещении “внешнего” наблюдателя с неизбежными ошибками, искажениями, вне соответствующего контекста» /2/.

Основными материалами по этому вопросу являются труд Прокопия Кесарийского «О войне с готами» (VI в.), средневековые летописи, хроники и анналы – «Повесть временных лет», сочинения Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмгольда, епископа Бамбергского Отто, Саксона Грамматика (все – XI–XIII вв.). Ко вторичным источникам относят еще более поздние тексты, авторы которых опирались на свидетельства предшественников, восполняя недостающее собственным воображением.

Красноречив отрывок одного такого арабского рассказа, принадлежащего Ибн-Дасте (V в.), об увиденном им русском обряде: «Все они (славяне) идолопоклонники. Более всего сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковше, поднимают их к небу и говорят: “Господи, ты, который снабжаешь нас пищей (до сих пор), снабди и теперь нас ею в изобилии”» /3/.

А вот и самое раннее и многоизвестное свидетельство о вере славян – византийского историка Прокопия: «Они признают единого бога, громовержца, единым владыкою вселен-

ной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных. Судьбы они не знают и не верят, чтобы она имела какое-нибудь влияние на людей. Но когда им угрожает смерть в болезни или на войне, они обещают, если ее избегнут, принести богу жертву за спасение и, спасшись, исполняют свой обет, думая, что эту жертвою купили себе жизнь. Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам; всем им они приносят жертвы и при этих жертвоприношениях гадают» /4/.

Воистину затруднительно определить из такого свидетельства, кого скорее следует причислить к язычникам: верящего в судьбу и не понимающего (или не знающего?) смысла обета Прокопия или верующих в Единого Бога и не признающих языческих представлений о судьбе славян?

Сведения о жертвенных животных тоже верны лишь отчасти, поскольку касаются только иноплеменных групп, а также южных и западных (в том числе балтских) славян. Главное же, как пишет глубокий исследователь славянского язычества А. С. Фаминцын, «до нас не дошло в древних письменных памятниках описания *обряда общественного жертвоприношения восточных славян*» /5/. Некоторые источники указывают на то, что их «языческая жертва» обыкновенно состояла из приношений с молитвою хлеба, меда, пива, цветов и т. п. Но разве не эти дары находим мы сегодня на праздничных церковных столах?

Вообще, всякому, кто внимательно отнесется к данным о славянских древностях, станет очевидно, что реконструкция славянского язычества базируется, в основном, на материале, связанном с западными и южными славянами, причем мало кто из исследователей учитывает характерную именно для славян густую этническую смешанность.

Так, например, «собственно славянское язычество человеческих жертвоприношений не знало. Наличие таковых у некоторых групп балтийских славян – свидетельство сложных ассимиляционных процессов. В частности, жители острова Рюген руги (их называли также русы, рутены, руйяны, раны – примерно так же, как киевских русов) изначально славянами не были, а, перейдя на славянскую речь, сохраняли многие обычаи, включая обряд погребения...» /6/.

В советское время вымученный в научных кабинетах «языческий пантеон» росов ширился буквально на глазах, связываясь почему-то со «стихийным материализмом» древних русских, и многие работы по этому вопросу преследовали, кажется, лишь одну задачу – соревновательную фантазию.

При этом исследователей мало интересовало, что уже в XI в., **всего через сто лет после «крещения Руси», летописцу Нестору ничего не было известно о русском язычестве**, кроме имен божков, которых насадил киевский князь Владимир I в 980 г. Впрочем, и состав владимирского пантеона уточняется и оспаривается до сих пор.

Однако отсутствие материальных следов божеств, представленных лишь реконструированными именами, позволяет предположить, что все эти имена – не что иное, как синонимы Единого Бога (либо представляют собой следы порчи, разложения идеи в языках соседних народов), ибо наличие различных именованний еще не является свидетельством политеизма. Св. Дионисий Ареопагит, один из самых утонченных христианских богословов, не смущался тем, что «богомудры воспевают Причину всего, заимствуя имена из всего, причиненного Ею <...> Ее называют солнцем, звездой, “огнем”, “водой”, “духом”, росой, облаком, самоцветом, камнем, всем сущим и ничем из сущего». А его не менее пронизательный комментатор св. Максим Исповедник тут же отзывался существенным для нас замечанием: «Смотри, как воспевают Высшего всех, открыто пользуясь тем, Причиной чего Он является, что Он создал» /7/.

Понятно, что современным сторонникам русского язычества остается только вздыхать: «К сожалению, о величине Перуна и других славянских кумиров из письменных и археоло-

гических источников почти ничего узнать нельзя: деревянные изваяния не выдержали испытания временем» /8/.

Тут уместно привести еще одну цитату: «В древности десятки тысяч изваяний стояли группами или в одиночку на всех возвышающихся, издали заметных точках степи. Освоение земель русскими землепашцами в XV – XVIII вв. <...> привело к массовому уничтожению этих произведений искусства». Опираясь на то, что научно доказана принадлежность грубых каменных изваяний кочевым племенам, автор этой цитаты далее делает вывод о «широком развитии камнерезного ремесла» у кочевников /9/.

Вот, оказывается, в чем дело! У русских ни Киевской, ни тем более докиевской Руси не было навыков в камнерезном деле, и дальше обработки пней дело не шло (да и божественный пантеон-то не сформировался по причине языческой отсталости, как отмечают многие работы).

Что уж говорить о языческих храмах – понятно, что о них «русские летописи умалчивают вовсе» /10/³³.

Новейшие исследования сообщают, что и о священных рощах «прямых свидетельств не сохранилось» и «древнерусские материалы не дают оснований говорить о том, что деревья считали тотемами или что существовал самостоятельный культ деревьев» /12/.

Вместе с тем: «У всех древних славян, как и у прочих народов арийского племени, находим понятие о божественном представителе неба, едином верховном боге, живущем на небесах, властвующем над всеми прочими <...> Верховный небесный бог <...> носил общее всем славянским наречиям имя *БОГ*» /13/.

Некоторые наиболее независимые в своих работах исследователи подходили к самой сути русской дохристианской веры, указывая на ее **особость** и **отдаленность** от представлений и обрядов других, языческих, народов: «... в оригинальной религии древних руссов не было ничего такого, чего мы могли бы стыдиться <...> Это была сильная, внутренне крепко скроенная религия, высокая, красивая <...> в ее основных положениях было много сходства с христианством: единобожие (а не политеизм, как принято думать!), вера в бессмертие души, в загробную жизнь и т. д.

Вместе с тем язычеству руссов были свойственны и особые черты, отличавшие его коренным образом от многих религий. Напр., руссы не считали себя изделием бога, его вещами. Они мыслили себя его потомками. Они – “дажьбо-ви внуци”³⁴, т. е. внуки Дажьбога. Поэтому характер взаимоотношений между руссами и богом был совсем иной: они не унижались перед своим пращуром. Они, понимая все его превосходство, вместе с тем сознавали и естественное с ним родство. Это придавало религии совсем особый характер, отсюда и отсутствие у них храмов (напомним, что мы все время будем говорить о восточных руссах!) для умиловления богов и молитв к ним. Бог был для них всюду, и они обращались к нему прямо и непосредственно» /14/.

---

³³ Между тем академик И. А. Грабарь в своей фундаментальной «Истории русского искусства» пишет: «Подведя итоги всему, что сделано в России в области искусства, приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм – словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа» /11 (подчеркнуто мной. – С. М.)/.

³⁴ Как известно, у восточных славян никогда не было рабства. Слово *раб* (*робъ*) исследователи единодушно возводят к др. – русск. *робя* – *ребенок* /Срезневский, т. III, стб. 126; Фасмер, т. III, с. 427, 487, 453/. Таким образом, ранние русские христиане несомненно осознавали себя не невольниками (рабами), но детьми Бога. На необходимость такого осознания указывает и Новый Завет: «... наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего <...> Так и мы, доколе были в детстве <...> А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!” Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через (Иисуса) Христа» /Гал 4:1, 3, 6–7/. (Обратим внимание: согласно В. Н. Татищеву, галаты – «сусчие славяне» /15/.) Религия «рабов», по закону духовного воздействия слова на человека, определенно должна была породить рабскую психологию и рабское сознание, от чего и предостерегает ап. Павел.

Словом, феномен русской веры, предшествовавшей христианству и органически влившейся в русское православие, требует глубокого осмысления.

Признающая Единого Бога, прочно слитая с природой, опоэтизированная народным духом, **эта вера не знала ничего из того, что знали и культивировали языческие народы**: ни языческих храмов и идолов, ни оргических мистерий и храмовой проституции, ни массовых жертвоприношений животных, ни человеческих жертвоприношений и зловещего ритуального использования крови, – обрядов, через которые так или иначе прошли все варварские племена и все древние цивилизации, Русь не ведала.

Дикое новшество было привнесено в 980 г. вместе с созданием языческого пантеона, с чего и начинается на Руси счет святых-мучеников.

Миф о попытке киевского князя возвести якобы бытовавшее в народе язычество до уровня государственной религии разбивается даже о два только летописных рассказа об изгнании Перуна из Киева и Новгорода Великого. А вот что сообщал по этому поводу М. В. Ломоносов: «Пловуще-го вниз Перуна сельские (новгородские. – С. М.) люди, знавшие, что **он недавно наречен был богом**, от берегов пхая, говорили: “Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть”» /16 (подчеркнуто мной. – С. М.)³⁵.

Таким образом, реформой 980 г., имевшей «несколько волюнтаристский (с установкой на синтезирование, носящей оттенок нарочитости) характер» /19/, укрепилась скорее не Русь, а языческие племена, во множестве рассеянные среди нашего народа.

«Забодай тебя Перун», – еще в прошлом веке шутливо пугали русичи своих малолеток. И если в нашей памяти и сохранились эти языческие имена, то мы не знаем, как они связаны с нашей дохристианской верой, и очень слабо осведомлены о том, как они перекликаются с мировой культурой и дохристианскими языческими представлениями других народов, – **ибо росам изначально отказано в древности происхождения, в древности рода.**³⁶

³⁵ Тщание ученых в уточнении состава киевского пантеона следовало бы направить в совершенно иную сторону. Имя ПЕРУН с точки зрения литореи (древнейший тайнописный прием, состоящий в замене одних знаков другими, известный и на Руси /17/) может быть осмыслено как ИЕРОНО (ИЕРОРОНО; одинаковые рядом стоящие слоги часто заменялись одним: *ро* вместо *оро*), что дает расшифровку: *Священные руны, Священные письмена* (в возможном значении – *Бог Священного Слова*), поскольку в древнейшей русской письменности обозначения для (ПО) и (И), как уже говорилось, сходны. Кроме того, этимологически это имя несомненно связано с упоминаемым Перуджианским камнем именем Единого Бога Правого ПОАРО (ПОЕРОН: с прибавлением относительного Н – НА, т. е. *наш*) – библейск. Пеор (откуда название горы Фавор, на которой произошло Преображение Господне). Языческие божества МОКОШЬ (МОКИШЬ) и ВОЛОС, с учетом применения других способов шифровки (перестановка слогов, обратное прочтение), дают уже знакомое по тексту Перуджианского камня КИМОШ (КИ-МОЖЕ – *кровь мужей*) и СЛОВО. В адрес скептиков преподнесем и вовсе уж лежащее на виду: ХЪРС – ХОРС (солнечный бог язычников) несет в себе имя самого Иисуса Христа: в православной церкви на иконах Бога-Сына и по сей день можно увидеть надписание под титулом ХРС. Так что за языческими трансформациями, может быть, стоит не только глумливое искажение имен, но и самой сути русской веры. К такому выводу приводит, например, имя языческого скотьего божества Волоса (Слова). «Согласно Священному писанию, люди и скоты противопоставляются друг другу: первые – познавшие “Закон”, вторые – не знающие его язычники. В Псалтыри в том же значении, что и слово “скоты”, употребляется слово “звери” <...> Уподобление различных народов определенным животным известно с глубокой древности...» /18/.

³⁶ Так, считается, что теория происхождения русских государей от императора Августа сформировалась в XVI в. «... Иван IV возразил шведскому королю Юхану III в ответ на замечания последнего относительно знаков власти: “А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся” <...> Существует предположение, что в XV в. имелось литературное произведение политического характера, которое обосновывало родство русских князей с римскими императорами начиная от Августа» /20/. Источником, как и все прочие, уводящие происхождение народа рос в глубокую древность, как водится, утрачен. Так, к примеру, утрачена Иоакимовская летопись, повествующая об апостольском служении св. Андрея на Руси, которой пользовался еще Татищев (см. ниже). Но народная память хранит больше. Сарафан и кокошник – главные предметы русской женской национальной одежды – указывают на принадлежность росов вообще к древнейшему царскому роду, от которого произошли народ и нация. *Сарафан* (звук *ф* – позднее приобретение русского языка) – ЦАРА ПАН, что может означать верхнюю царскую одежду. Кроме того, в Древней Руси *понева, понява, понявица* – не только *женская дмотканая одежда*, но и *плащаница, погребальная пелена, орарь* и т. п. /СлРЯз XI–XVII, вып. 17, с. 66–67/, что указывает не только на принадлежность носящих сарафаны к царскому роду, но и к роду священническому, о чем свидетельствует и другой обязательный предмет

Ну а как же «торжественные клятвы, которые давали древние русские воины-язычники при заключении договоров с греками»? На них столь часто ссылаются исследователи «русского язычества», приводя в подтверждение своей версии перевод цитаты: «Так, в Начальной русской летописи под 945 годом записана присяга, скрепляющая договор русов с греками: “Если же кто-нибудь из князей или людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву”» /21/.

За произвольно усеченной этой цитатой, кочующей из одной работы в другую, теряется самый дух договора, который говорит о том, что Русь во времена князя Игоря выступает как страна христианская, и в адрес некрещеных ее насельников в оригинале звучит усмешливое замечание: «... и елико их есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна да не ущитятся щиты своими...» /22/.

Церковный историк начала нашего века Е. Е. Голубинский «пришел к выводу, что **во времена княжения Игоря христиане превосходили язычников и количественно, и морально, и в смысле политического веса в государстве**» (подчеркнуто мной. – С. М.). Да и другие исследователи признают, что ко временам Владимира I традиция христианства на Руси «насчитывала уже около двух столетий», а основанный княгиней Ольгой Софийский собор был освящен в 952 г. – за треть века до «крещения Руси», о чем сообщается у Татищева (со ссылкой на Иоакимовскую летопись) и в одном из «Апостолов» XVI в. /23/.

Итак, подведем некоторые итоги:

1. Все наиболее ранние источники по славянскому, в том числе восточнославянскому (русскому), язычеству принадлежат авторству иноземцев и, следовательно, обречены на неизбежные в таких случаях неточности, ошибочные представления и выводы и т. п.;

2. Более поздние русские христианские источники, при уже утраченной памяти о вере праотцов (о чем будет сказано дальше), могут нести намеренные искажения, а кроме того, в них не учитывается этническое смешение славян, ассимилировавших многие языческие племена;

3. Наука не располагает ни одним достоверным и достаточно полным внутренним источником (т. е. принадлежащим непосредственно росам), в котором были бы изложены основы русского язычества – обряды, традиции, описан пантеон божеств и т. п. При широкой грамотности росов (подтвержденной раскопками в Великом Новгороде, Пскове, Старой Руссе и др.) и бытовании языческих будто бы обрядов (например, празднования Купалы, Маслены и проч.) вплоть до XX в. такие источники должны были бы сохраниться повсеместно;

4. Наука не располагает также ни одним языческим храмом, ни одним изваянием русских языческих идолов;

5. Не имеется описания ни одного обряда общественного жертвоприношения у росов;

6. Представления о язычестве древних славян (в частности, росов) базируются в основном на материале, связанном с южными и западными (в том числе, балтскими) славянами, причем и здесь не учитывается густая этническая смешанность славян, обусловленная, в первую очередь, их веротерпимостью.

Далее постараемся установить, что:

1. Древнейший русский фольклор и летописи отражают крайнее неприятие росами главного проявления языческого культа – человеческого жертвоприношения;

русской женской одежды – *кокошник*. Сколь бы ни были разнообразны по форме и украшениям кокошники, они, несомненно, восходят к короне или нимбу. Столь величественного женского головного убора нет ни у одного другого народа. Корнями же своим слово *кокошник* связано со словом *коко*, *кока*, что означает не только *яйцо* («в беседе с детьми»), но и *крестный отец*, как пишет Даль, который напрямую связывает кокошник с днем Купалы (т. е. праздником Иоанна Крестителя) через их общее именование – *кокуй* /Даль, т. II, с. 134–135/.

2. Волонтаристская языческая реформа 980 г., встретившая сопротивление народа, не может служить доказательством принадлежности росов к язычникам;

3. Очевидно, что и другая общеизвестная дата – 988 г. («крещение Руси») – должна занять в нашей истории более скромное место. Не замеченный даже Византией, этот акт, возможно, следует рассматривать как перекрещивание народа Киева и Новгорода по греческому либо какому-то иному образцу;

4. Оживление язычества на Руси было всегда напрямую связано с религиозной, политической и военной нестабильностью. Так, языческая волна, захлестнувшая Киев после разгрома Хазарии, в результате не только вызвала к жизни указ Владимира Мономаха об изгнании иудеев из русских пределов, но и в конце концов привела к разделению Руси на Киевскую и Владимиро-Суздальскую;

5. Культовые центры древних росов ошибочно трактовать как языческие, «нечистые» места: самое возведение здесь христианских храмов несомненно указывает на преемственность русской дохристианской веры (древлеправо-верия) и обновившего ее христианства;

6. На религиозную преемственность указывает также слияние дохристианских и христианских праздников, обрядов, символики и многое другое;

7. Письменные источники и устная традиция подтверждают, что русская церковь действительно является церковью апостольской, основанной учеником Иисуса Христа Андреем Первозванным;

8. Неоспоримым подтверждением глубочайших духовных корней нашего народа является «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона, писанное им «от всея земли нашея» вскоре после «крещения Руси».

Все высказанное здесь как раз и объясняет особость русского православия и устремление русской церкви к независимости и пастырскому водительству в христианском мире.

2. О христианстве Руси

Сколь бы ни отрицалась изначальноность русского христианства и сколь бы ни замалчивались и ни подвергались надругательским осмеяниям древние источники, свидетельствующие об этом, русская церковь называет себя первоапостольской – и по праву.

В. Н. Татищев указывает в своем труде:

«Но сусчее утверждение имеем от письма святого, еже славяне первую проповедь слова Божия от трех верховных апостол и сусчее: 1) От Андрея, которому Пафлагония, галаты и истры или гети и даки по Дунаю, под именем скиф, по жребию достались, как ниже обстоятельнее показано.

2) Святой Петр учил галатов, сусчих славян, но бывших во иудействе, как в его 1-м послании, гл. 1, пишет. 3) Святой Павел, яко учитель, язык тем же галатом, сущим в языке-стве, и иллирианом славяном проповедывал, как в Деяниях, гл. 16, ст. 6, гл. 18, ст. 23; 1-е Коринфянам, гл. 16, стих 1, и собственное Послание к галатом. <...>

И как все древние писатели до Христа и вскоре по Христе, Геродот, Страбон, Плиний и Птоломей, многие города по Днепру кладут, то видно, что Киев или Горы град до Христа был населен <...> Иоаким³⁷ же точно говорит: Андрей в Киеве крестил...» /24/.

Апостол Андрей, как явствует из Нового Завета, был первым, кого призвал Господь в свои ученики, почему и назван Первозванным. Глубоко символично, что над росами, чьи родословные корни уходят, как выясняется, в Палестину, но в силу исторического бытия в массе своей отдаленными от событий, связанных с Пришествием Христа, водительство взял именно Андрей³⁸.

История донесла до нас, что Андрей Первозванный проложил свой апостольский путь и до Новгорода Великого, причем «**в Греции он основал Церковь лишь после возвращения из Руси**» /25/.

В IV в. церковный историк Иероним сообщал: «Холода Скифии пылают жаром новой веры». И хотя наука настойчиво рекомендует считать эти слова «скорее риторическим приемом автора <...> чем историческим свидетельством» /26/, тем не менее за ними ясно видится образ духовно обновленного народа, многие тысячелетия вместе с другими народами ожидавшего Спасителя и готовившего Его пути³⁹.

Не это ли ревностное служение явилось причиной длительного пробела в фиксированной истории Руси? В 644 г. арабский писатель Ат-Табари, живший на Каспии, писал: «Я нахожусь между двумя врагами: один – хазары, а другой – русы, которые суть враги целому миру...» /28/. Можно было бы не услышать вопль этого заблудшего путешественника, упавшего в неодолимую пропасть, которая разделяла иудаизм, главенствовавший в Хазарии, и преобразуемое христианством **правoverие** (о чем речь ниже), если бы не жестокая, на грани выживания история России и самих росов да не прозвучавшие спустя полтора почти тысячелетия слова императора Александра III, обращенные к молодому наследнику: «У России только два союзника – армия и флот». Почему? – К разрешению этого вопроса можно подойти только путем исследования религиозноисторического пути росов.

---

³⁷ Первый епископ Новгородский, создавший ранее Нестора летопись, на которую опирался В. Н. Татищев, излагая свою «Историю».

³⁸ Примечательно, что инициалы Андрея Первозванного – А П – дают начало словам *апостол, апа (надежда)*. Ни единожды не встречавшееся в Ветхом Завете имя *Андрей* при обратном прочтении дает ИЕРДНА (ИЕР ДА НА – *священный правый наш*), что созвучно названию реки *Иордан*. Эта река, как известно, течет с севера на юг; апостол Андрей понес воду обновленной веры во встречном направлении – с юга на север, туда, куда указывали отпечатки стоп Восставшего из гроба Иисуса Христа.

³⁹ Первое известное пророчество о приходе в мир Спасителя принадлежит арийскому пророку Заратуштре /27/.

Но, несмотря на жесточайшие многовековые нападки со стороны соседей, Русь ширилась и оформлялась в единое христианское государство. В 867 г. Константинопольский патриарх Фотий отмечал, что Русь «усердно следует христианской обрядности» /29/. Так что было кому со стороны христиан подписывать русско-византийские договоры и было кому креститься в освященном в 952 г. киевском Софийском соборе.

Другие источники позволили современным исследователям установить, что в X – XIII вв. на Руси насчитывалось около 10 000 церквей /30/. Следуя теории призвания в «новокрещеную» Русь греческих мастеров, для такого грандиозного строительства (до 30 церквей в год) понадобилось бы, пожалуй, переселить сюда половину Греции, не говоря уж о несметных материальных затратах. Но можно ли с уверенностью поручиться, что все они являлись новыми; не была ли значительная часть их достроена, перестроена, переосвящена, как это обыкновенно бывает в живой церковной жизни?

Так вот и получается: если с первым этапом реформ князя Владимира (языческий, 980 г.) новгородский и киевский люд разобрался решительно, без страха и сожаления, то второй – христианизация 988 г. – прошел для ведущих христианских стран и вовсе незамеченным: **акт «крещения Руси» не был отмечен ни в Риме, ни в Константинополе** /31/.

Таким образом, реформаторская деятельность князя Владимира может рассматриваться как «темное место» в мифологизированной русской истории. Подтверждением тому служат непосредственно русские источники: известия о крещении и самого князя, и Руси крайне противоречивы, отрывочны, а вопрос о первоначальной организации русской церкви, по признанию ученых, «еще больше запутан противоречиями источников, чем история самого крещения» /32/.

«Все это никоим образом не может быть объяснено незнанием или отсутствием сведений, так как митрополичий свод 1039 г. составлялся в то время, когда еще живы были участники Владимирова княжения и крещения <...> Значит, мы имеем дело с тенденциозным изложением и умолчанием “Древнейшего свода”» /33/.

Итак, суть и содержание реформ 980 и 988 гг. доныне остаются невнятные. Возможно, их тактические или стратегические цели окажутся более ясными, если, вопреки сложившейся традиции, обе реформы рассмотреть именно как единую поэтапную реформу.

Небезосновательно предположить, что языческий этап (980 г.) так или иначе связан с разгромом князем Святославом Хазарии (965 г.) и усилением иноверческой диаспоры в Киеве⁴⁰.

Относительно крещения 988 г. существует мнение, что целью его было «перекрещивание» «по греческому ритуалу» /36/, что, понятно, не принесло мира в народ, издревле причисляющий себя к русской первоапостольской церкви.

Почему ветхозаветный пример по «раскачке» народной веры вавилонским царем Навуходоносором (что совершалось под зорким доглядом плененных им иудеев), окончившийся гибелью Вавилона и самого Навуходоносора, не остановил Владимира? Хотя знал, конечно, князь поучительную эту историю. Что же принудило его поставить Перуна с золотой головой – в точь, как в Ветхом Завете /Дан 2:32; 3:1/?..

Обезумевший от человеческих жертвоприношений золотому истукану, сбитый с толку последующим принятием своим царем иудаизма, «пал, пал Вавилон...» /Ис 21:9/.

Последствия поэтапной реформы тоже оказались разрушительными для окрепшей было Руси. Реформа расколола многоэтническую уже и тогда Русь, поставив каждого перед

⁴⁰ Киево-Печерский патерик приводит рассказ о Никите Затворнике, который, «прельщен бысть от диавола», изучил наизусть Ветхий Завет и «николи же въсхоте видети, ни слышати, ни по-читати» Евангелие и Апостол /34/. Характерно и то, что «ветхозаветная тематика заметно выделяет одного из составителей “Повести временных лет”...» /35/.

вопросом выбора веры: **правоверие** и первоапостольское христианское учение, христианство византийского или римского толка, иудео-христианство, ислам, язычество⁴¹?

Традиционное объяснение катастрофического раскола послевладимирской Руси жадностью и самовитостью русских князей («Ты себе князь, а я себе») удовлетворяет лишь как версия для начальной школы: Русь до Владимира не знала братоубийства, и «как великое нарушение нормы воспринималось убийство внутри рода; брат на брата идти не мог!» /37/. Потому-то к высокой и печальной чреде убиенных святых скоро присоединились русские братья Борис и Глеб.

А затем против Киевской Руси встала Русь Владимиро-Суздальская; и за этим **глубоким национальным разломом, который историки по традиции объясняют притязаниями ростовской знати, видятся прежде всего резкие религиозные противоречия**. Иначе непросто понять, «как, каким образом северо-восточный регион, не известный по сути дела нашим летописцам до второй половины ХМ в., менее чем за сто лет превратился в крупнейший центр Руси, в одно из наиболее мощных государственных образований Восточной Европы» /38/ и почему из теплых и обжитых киевских земель в северные малоустроенные земли хлынули, по замечанию В. О. Ключевского, массы народа⁴², унося с собой не только историческую топонимику.

Летом 1154 г. сын Юрия Долгорукого Андрей, позднее получивший имя Боголюбский, со свитой, духовенством и домочадцами двинулся на север, увозя с собой великую русскую святыню – икону Божией Матери, «которая вскоре стала называться “Владимирской”⁴³» /40/.

С появлением на северо-востоке иконы Владимирской Божией Матери Богородичный культ в этих землях выступил на первое место⁴⁴ /43/, и быстро расцвела Владимиро-Суздальская Русь, во всем ставшая предшественницей Московской Руси.

Но... «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то» /Мк 3:24/.

Не миновало и ста лет, как великой кровью омылась Русская земля.

Лбы их – из бронзы,
А рыла – стальные долота,
Шило – язык их,
А сердце – железное <...>

---

⁴¹ На то, что в послевладимирский период вероисповедные вопросы, касающиеся христианства и иудаизма, чрезвычайно остро встали на Руси, указывает мало кому до сих пор, кроме специалистов, известный великий памятник отечественной литературы – «Слово о законе и Благодати» митрополита Илариона (датируется 1037–1043 гг.). Значительно опередив по времени написания «Слово о полку Игореве», по глубине и ясности религиозно-философской мысли этот памятник не имеет себе равных среди всей европейской христианской литературы того времени. А самый факт создания этого непревзойденного труда русским священником для русских православных христиан является бесспорным доказательством того, что русская вера ко времени его появления имела глубочайшие православно-христианские корни и русская религиозная мысль, безусловно, должна была развиваться столетиями, чтобы явить миру такое совершенство.

⁴² Массовому этому передвижению предшествовало народное восстание 1113 г. в Киеве, вызванное засильем иудеев /39/.

⁴³ Киевское имя Владимирской Божией Матери – Пирогощя. Скорее всего, это народная интерпретация имени, звучавшего древле как *Поарогощя*, или – по уже известной нам в таких случаях взаимозаменяемости знаков І (ПО) и І (И) – *Иерогощя*, т. е. *Правая (Святая) Гостья*, а точнее – *Богиня*; «праслав. *gosti (ж.) аналогично по образованию др. – инд. devī “богиня”» /Фас-мер, т. I, с. 448/. Икона была византийским даром Киеву – дар более чем бесценный, подтверждающий древнейшее родословие росов. (Пожалуй, сторонники «русского язычества» затруднятся объяснить, почему Богородичная Пирогощя церковь в Киеве, как известно, «была воздвигнута на месте капища Волоса» /41/ – «скотьего» бога.) Выбор Боголюбским именно этого образа указывает лишь на то, что он искони являлся для русских святыней особой. Иначе и не могло быть: по некоторым данным, это единственное прижизненное изображение Пречистой Девы, писанное евангелистом Лукой, согласно преданию, «на доске того стола, на котором в юности Спасителя трапезовали: Христос, Богоматерь и Иосиф Обручник» /42/. Впрочем, иные источники указывают, что икона писана на другой столешнице – той, за которой происходила Тайная Вечеря.

⁴⁴ Разумеется, вовсе не случайно. Внуку Мономаха не могла быть неведома наша древнейшая история. О культе Рода и Рожаницы, тесно сплетающемся у росов с почитанием Богородицы, см. в части III.

Мясо людское – походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они! —

так описывает воинов-соплеменников монгольский памятник «Сокровенное сказание» /44/. (Вольно же было Л. Н. Гумилеву фантазировать о мирном симбиозе русских и кочевников /45/!)

Однако дикая летучая конница, бросившая под ноги Чингисхана полмира, не утравившая горных перевалов и зыбучих пустынных песков, почему-то «увязла» в русских болотах... Русь стала «щитом» Европы перед лицом монголо-татарского нашествия. Но пока угоняли в рабство и истреблялись русские дети (кроме самых несмышленишей, не вышедших ростом с тележное колесо⁴⁵), «просвещенная Европа» вела переговоры с кочевниками /46/, одновременно мощными ударами раскачивая русский «щит» со своей стороны.

Груды древнейших икон и книг⁴⁶ запылали в варварских кострах: к их уничтожению ордынцы почему-то проявили особый интерес. Оживилось иновещество, подняло голову язычество /47/.

«Я соборны больши церкви на дым спушу...
Я печатны больши книги во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды...» /48/.

Грозным эхом отозвалась на Руси столь чтимая ныне реформа князя Владимира. И «никогда не поймут таинственного смысла человеческой истории те, для кого она представляется лишь скопищем случайных совпадений, разрозненных событий, поступков и явлений» /52/.

«Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице» /53/.

В XVII в., трудно отбившаяся полутора столетиями раньше от ереси жидовствующих⁴⁷, Россия не устояла перед церковным расколом, вызванным новой реформой – патриарха Никона и царя Алексея Михайловича⁴⁸. И глас противника Никона – протопопа Аввакума – изнемог в светоносных скитах, сжигаемых вместе со старообрядцами⁴⁹.

---

⁴⁵ Таких со временем можно было воспитать в любой вере, что, кстати, практиковалось среди народов с древнейших времен.

⁴⁶ В то время как в Европе большая часть верхов оставалась неграмотной, на Руси грамотность повсеместно была распространена даже среди простолюдинов, о чем свидетельствуют многочисленные берестяные сообщения, открытые в Великом Новгороде, Пскове, Смоленске, Витебске, Старой Руссе, Полоцке, Твери, Торжке, Москве /49/. «В одном из литературных произведений XVI в. упоминалось, что “преж сего в Российском царстве и на Москве и в Великом Нове граде и по иным городом многие училища бывали и писати и пети и чести гораздных много было, но певцы и чтецы и доброписцы славны были по всей земле и дондесь”. Речь шла о домонгольской Руси» /50/. О высокой грамотности

⁴⁷ В 1470 г. в Новгороде появился проповедник Схария (Захария), который вызывал своими проповедями малодушное недоверие к церковной иерархии, смущая «соблазном самовластия». Скоро его ересь переняли многие именитые граждане, в том числе и священники, отказавшиеся от спасительных Таинств и догматов православия. Ересь распространялась стремительно. Сам великий князь Иван III пригласил в Москву еретиков, поставив двух виднейших из них протопопами в Успенском и Архангельском соборах – главнейших московских храмах. Митрополитом на Москве был избран связанный с еретиками Зосима. Центром сопротивления ереси стал Волоколамский монастырь, откуда развернул борьбу с нею преподобный Иосиф Волоцкий.

⁴⁸ было делом не новым: в Европе уже с XV в. богословы начали классифицировать нечистую силу /54/, а кабалистика, возросшая на иудаизме, и того раньше принялась за создание демонского «пантеона».

⁴⁹ Старообрядцы – ближайшие сторонники протопопа Аввакума – называли себя «боголюбцами» /55/, и неслучайное это имя как бы призывает обратить внимание на причины раскола Руси на Киевскую и Владимиро-Суздальскую при князе

Думается, никонианство не было только произволом группы лиц, посягнувших править церковные книги и ритуалы. Многочисленность духовенства и паствы, быстро примкнувших к реформе, несомненно указывает на то, что реформа неявно, негласно и длительно готовилась внутри церковной и народной жизни (как позднее прививался атеизм, а ныне ненавязчиво внедряется экуменизм). И не за один только «азъ» принимали мученическую смерть верные старообрядцы.

Греческий архимандрит «Дионисий еще во время русского собора 1666 года сочинил трактат для осуждения русского крестного знамения и старых книг <...> Презрение к русскому обряду Дионисий показал не только на словах, но и на деле. Когда в великую субботу 1667 года во время торжественного патриаршего богослужения в присутствии царя русское духовенство пошло с плащаницей “посолонь” (по движению солнца), то Дионисий совершенно неожиданно увлек греческих патриархов и остальное греческое духовенство в обратном направлении, навстречу русской процессии. Произошли замешательство и довольно резкий спор между русскими и греческими архиереями. Наконец, сам царь вмешался в конфликт между русским и греками, предложив, чтобы и **русские пошли за гостями, оставив старинный русский обычай ходить посолонь...**» /58/. Как знать, может быть, это был один из опаснейших поворотных шагов не только самого русского православия, но и всей истории: **Россия двинулась против солнца**, заступая дорогу дарующему жизнь, – **против самой жизни...**

Так введома ли русским священникам тайна движения посолонь и противу солнца? Ко времени раскола, очевидно, уже очень немногим⁵⁰. Лишь старообрядческая церковь и поныне сохраняет древний обычай ходить во время крестных ходов и других обрядов посолонь – вослед Христу-Спасителю («истинному Солнцу», «Солнцу правды») и приверженцам Его учения: «Само собою разумеется, что враги Христа <...> не шли за Ним, а всегда против Него <...> Посему мы и шествуем не против солнца – Христа, а по солнцу, т. е. за Христом <...> в древлеправославной Церкви нашей принято совершать хождение по солнцу еще при таинстве крещения – вокруг купели и при совершении таинства брака – вокруг аналоя <...> Именно: в крещении человек обещается *последовать* Христу, в бракосочетании жених и невеста <...> должны быть последователями Христа, а не противниками Его». Выходы и хождения при богослужении против солнца у староверов совершают только священники: каждение фимиама свершается пред Лицем Господа, выход с Евангелием представляет собой не только Учение, но и Самого Христа, Который является миру, а не уходит от него и т. п. /59/.

Но энергетический смысл тайны хождения посолонь и противу солнца с древнейших (еще египетских) времен запечатан семью печатями. Скудные сведения о вселенском космическом значении этих обрядовых служений и воздействий их на живой мир людей просматриваются со времен Древнего Египта. И неслучайно грозные предсказания Апокалипсиса напрямую связаны с солнцем:

«...и солнце стало мрачно как власяница...» /6:12/;

«...и поражена была третья часть солнца...» /8:12/;

Андрее Боголюбском. Многозначительны и такие «совпадения»: реформы Никона начались год в год через 500 лет после ухода Боголюбского на север (1654 и 1154 гг.); именно суздальский боголюбец, священник Никита Добрынин, был «главосечен и в благо ввержен и псам брошен на съедение» /56/ – так же, как и князь Андрей «убьен бысть в субботу на ночь» /57/ и кинут в огород на поедание псам...

⁵⁰ Хотя в то время предания еще сохраняли представления о сущностной связи солнца с поворотными событиями духовной жизни на земле. Указывая на солнечные затмения 1654 г. (начало реформ Никона) и 1666 г. (когда собором была закреплена победа над старообрядцами) как на знамение, протопоп Аввакум «приводит свидетельство Ареопагита о солнечном затмении как о видимом предвестии конца мира <...> По преданию, когда Дионисий был еще языческим мудрецом, он вместе со своим учеником наблюдал затмение солнца в городе Гелиополе, случившееся во время распятия Христа. При этом Дионисий сказал: “Или конец века наступил, или Бог-Слово страдает плотию”» /60/.

«...и помрачилось солнце...» /9:2/;

«Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце...» /16:8/;

«И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце...» /19:17/⁵¹.

Потому: «Солнце да не зайдет в гнев наш» /Еф 4:26/, – обнимаясь и целуя друг друга, восклицали предки наши в Прощеное воскресенье /62/.

Другой не менее существенный момент реформ – перемена крестного знамения. Древнее двуперстие заменено было Никоном троеперстием, по сути дела – щепотью. Двуперстием сложены пальцы десной руки Иоанна Крестителя (святыня была перенесена с Мальты в Гатчину, под Петербургом, в 1799 г. /БЭ, с. 344/, в настоящее время находится в Сербии).

«Одно только древнее, доселе хранимое христианами-старообрядцами сложение перстов наиболее полно выражает в себе главные догматы христианства. Когда в начале XVI века в России начала распространяться новогреческая форма перстосложения, она была осуждена и запрещена Стоглавым собором <...> Стоглавый собор проходил под председательством митрополита Макария (недавно канонизированного Московским Патриархатом), где присутствовали в качестве игуменов Гурий и Варсонофий, казанские чудотворцы, и святой Филипп, митрополит Московский <...> авторитет Стоглавого собора просто не сопоставим с авторитетом собора 1666–1667 гг...» /63/.

В древневосточном учении о перстосложении двуперстие предназначается для высшей концентрации духовной энергии; щепоть же не означает ничего. Зато самое слово *щепоть* связано с глаголом *щипать* и с древнерусским *щель* – «ущерб, вред, убывание луны» /Фасмер, т. IV, с. 503/, – но ведь «церковь Божия на земле величественно связывается с луною, так как она заимствует свой блеск и сияние от Солнца правды, Христа» /БЭ, с. 439/. Исходя из этого, щепоть может означать отщипывание, ведущее к убыванию луны (церкви). С новолунием же, по преданиям, явится в мир сатана.

Что же еще ведалось или, следуя исконной вере дедов, сберегалось в дониконианском православии (более – уже в народе, чем среди духовенства; более – в глухих отдаленных местах: на Севере, в Сибири, куда отступали старообрядцы)?

Сколь ни фантастично звучит, следы этого древнего знания можно отыскать в так называемом **двоеверии**.

Как прочно, на века, слились «языческие» и христианские культовые места, «языческие» и православные праздники, так же прочно соединены с православием многие древние русские обычаи, обряды, даже заговоры. Так, заговор от злобы начинается известной христианской молитвой: «Союзом любви апостолы Твоя Связавый, Христе...» /64/.

Исследователи вопроса русского двоеверия сообщают, что и до недавнего времени «и в севернорусских “кустах”, и в белорусских “процах” почитание деревьев имело **христианскую окраску**: в них устанавливали часовни, устраивали богослужение» /65/.

«Усть-цилемские старообрядцы на приглашение православных священников исповедаться отвечали: “Мы исповедуемся Богу и матери-сырой земле”⁵² или “Я приложу ухо к сырой земле, Бог услышит меня и простит”» /66/.

К 1920 г. относится описание богослужения, в котором исследователям видятся «языческие» элементы: «Стоит он (поп) на коленях и молится. Плачет он, и все плачут, и народ начинает плакать. Еще и руки протягивает, целует землю, и все целуют» /67/. Да, живое это моление – точно малый свет от Великого: Нагорной проповеди.

⁵¹ «Некоторые секретные ордены учили, что солнце населено расой созданий, чьи тела состоят из излучающего духовного эфира, не очень отличного от состава пылающего шара солнца <...> Величайший и наиболее светонесный из этих сфер – Архангел Михаил» /61/. Значительная часть христианской церковной лексики связана с древнейшими именами солнца: РА, СОЛО, ХОРО, КОЛО (о чем будет сказано ниже).

⁵² О слиянии у росов культов земли и Богородицы сообщают многие исследования.

Так были в Древней Руси священные рощи, красные горки, заповедные родники, моленные камни?

Ныне, присно и вовеки веков.

Так пронесенное сквозь тысячелетия живое всенародное **правоверие** стремилось оградить русскую христианскую церковь от «книжности» и самодостаточности внутрицерковных обрядов, от безучастности паствы к земле, солнцу, природе – всему миру, созданному для нас Творцом.

Животворные моления, единящие Господа, человека и мир, остались в жизнеописаниях святых старцев Оптиной пустыни, Саровской обители и других, где встречный камушек или рощица округ скита становились местом молитвенного подвига. Что сохранилось – теперь святыня для нас: здесь мы каемся, плачем, исцеляемся, возвращаемся, как блудные дети, к своему Отцу.

Ибо «Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: “Небо престол мой, и земля подножие ног моих...”» /Деян 7:48–49/.

3. Правоверие

Без путеводного луча солнечной веры, предшествовавшей христианству, не прозреть ни прошлого, ни будущего, ни даже осмыслить многие противоречивые, на первый взгляд, страницы Священного Писания.

Блаженный Августин свидетельствовал: «То, что теперь называется христианской религией, существовало у древних и было присуще человеческому роду от самого начала веков до пришествия Христа, с которого времени истинная вера, уже существовавшая, стала называться христианской»⁵³ /68/.

Истинную эту веру, как древнюю виноградную лозу, давшую мощный молодой ствол христианства, видимо, не ошибочно будет назвать **правоверием**⁵⁴.

Древнее **правоверие** библейского народа *рос (рош)* /БЭ, с. 609/, пронесенное им сквозь тысячелетия и прочно укоренившееся на русских землях, – все эти запечатлевшие неразгаданную дохристианскую религиозную историю обряды, праздники, обычаи, традиционно трактуемые как элементы язычества, – и **определило характер и судьбу нашего народа, особость православия и иерархическую независимость русской церкви.**

И задача этой работы – хотя бы пунктиром на библейском, историческом, археологическом, фольклорном и этимологическом материалах показать, что это действительно так.

Изучение прошлого через самое слово – путь неизведанный, но неизбежный, поскольку наработанные и за-твержденные наукой положения не могут уже служить единственным и надежным свидетельством: столь часто они субъективны, ошибочны и опираются на фрагментарные, разобщенные во времени, подвергшиеся многократной цензуре и редактированию источники. А узкая специализация современного знания, в том числе гуманитарного, тем более не позволяет составить из этих фрагментов цельной картины прошлого. Лишь следование по пути слова-имени позволяет прозреть эти глубины. Так, священные библейские имена, древняя топонимика Востока, христианская (в том числе церковная) лексика вопиют к нам исконной речью росов. И сколь важно услышать и осмыслить эти факты.

Псалтырь («хвала, хваление, хвалебная песнь») получила свое название от греческого слова *psallo* – *пою* /БЭ, с. 584/. Но разве в слове *псалом* не слышится отчетливо *посолонь*, т. е. «по солнцу»? И не говорит ли это о том, что псалмы не просто пелись, но и сопровождалась движением по кругу, притом именно по направлению солнца⁵⁵?

А главное, не указывает ли само слово на единственно верный путь в православных обрядах, искаженный в смутные времена никонианских реформ?

Очевидно, пришедшие из древности обрядовые хороводы несли в себе скрытый от нас ныне, глубокий священный и жизненный смысл. Можно только предполагать, что за этим стояло приобщение к Божественной энергии, естественное взаимодействие с Жизнедавцем, упорядочение энергетических полей космоса и земли, как сказали бы теперь. «Воанергес,

---

⁵³ Очевидно, что иудаизм, ныне безусловно признаваемый предшественником христианства, не только не стал называться христианством, но и, предав Спасителя на распятие, в самых непримиримых формах отмежевался от Его веры.

⁵⁴ Изначальное, со временем искаженное у многих народов знание о Правом Боге определило четкое разграничение в Древнем мире понятий «право» и «лево» (ср. иудейское «левиты»), которое ясно прослеживается в христианстве, в том числе и в Новом Завете: «Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией» /Лк 22:69/; «Все народы, все, сколько их было, есть и будут – все предстанут на Страшный Суд, и Господь разделит людей на две части: одних поставит по правую сторону, других – по левую. Святость поставит по правую, греховность – по левую. Свершится Суд...» /69/.

⁵⁵ На память сразу приходят древние русские обрядовые танцы – хороводы. «“После Рождества неделю всю ходят в круга”. <...> Пожилые женщины объясняли так: “На имальцах, о святках, больше всего рядами ходят, есть и кружки. А уж на Троицу, весной, не ходят рядами, а только кружки водят”» /70/.

то есть “сыны громовы”», – назвал Христос двоих из апостолов /Мк 3:17/, и это греческое слово прозрачно для русского слуха: ВО АНЕРГЕС – *вы – энергия*.

Самое слово *служить (солу жить)* означает *жить по солнцу*, а храм с точки зрения пракорней знаменует принадлежность к солнечной религии, к духу солнца, к самому солнцу: ХО (*дух*) – РА (*солнце*) – МО (*мой, мы*), точно так же, как русское *хоромы*. И слово *колокол* – не что иное, как призыв к солнцу: «Коло! коло! – Солнце! солнце!» (ведь и слово *звон* связано со значением *звать, призывать*).

И, замыкая солнечный этот круг, *хоровод* оказывается *солнцеводом*, поскольку ХОРО – одно из имен солнца⁵⁶.

Исследование христианской лексики с точки зрения пракорней, а также корней русского языка, наиболее полно и чисто сохранивших значения пракорней, – дело будущего: тут необозримое поле как для богословия, так и для гуманитарной науки, и потому остается лишь касаться этой темы по ходу рассуждений.

Царица, Священная Речь, «гряди к первородителям, царица, связуя с предками живых, живая» /71/.

И поскольку речь в этой работе идет о религии, предшествовавшей христианству, попытаемся более основательно проникнуть в значения слова *капище* и имени *Иван Купала*. И то и другое в современном сознании прочно связаны с представлениями о русском языке.

Для начала обратимся к слову *капище*, рассмотрев его по составу древних пракорней и древних значений составляющих его слов, но прежде откроем словари.

В санскрите *капа* имеет значение «группа богов» /72/.

По-русски *капище* – «алтарь, место, где приносились жертвы богам; языческий храм», а также «изображение языческого божества в виде статуи, изваяния» и, кроме того, «вместилище» /СлРЯз XI – XVII, вып. 7, с. 64/;

– «идолище, языческий храм, жрище, поганище, кумирня; бурханище – монгольский храм; пагода – индийский; вообще божница идолопоклонников» /Даль, т. II, с. 88/;

– «“языческий храм”. Из цслав., ст. – слав. “капиште” – то же, от ст. – слав. “капь” ж. eidolon “видение, призрак, образ”» /Фасмер, т. II, с. 185–186/.

Словом, *капище*, в позднем представлении, – место нечистое, поганое. Почему же тогда именно на таких «нечистых» языческих местах, чаще всего располагавшихся на возвышенностях или в особо красивых уголках – в чистых дубовых рощах, на берегах рек и озер, ставили наши предки христианские храмы? Более того, «своеобразное осмысление русскими “кивория” (крыши языческого капища) позволило использовать шатровое покрытие в церковном зодчестве наряду с купольным, что было чисто русским делом...» /73/.

Ветхозаветная иудейская традиция, к которой возводят истоки христианства, требует как раз обратного: языческие святилища должны быть не только уничтожены, но и осквернены: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом. И разрушите жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места сего» /Втор 12:2–3/.

Однако именно на таких «поганных» местах или вблизи них воздвигнуто на Руси не только множество храмов, но от них пошло и большинство из самых ранних известных русских городов.

В качестве примера обратимся пока только к одному из них.

⁵⁶ Солнечной лексикой освящен и весь быт старинной русской жизни. Например, солныш – «угол, отделение в крестьянской избе для женщин и печи» /Фасмер, т. III, с. 711/.

Древний Переяславль (ныне Переяславль-Хмельницкий⁵⁷) поднялся в десяти километрах от Трахтемировского городища (памятник зарубинецкой культуры, с которой «связывают праславян или балтов» /74/). В «Слове о полку Игореве» этот город упоминается как «отний стол» русских князей. Но и не только: «...первой резиденцией митрополитов, первым церковным центром Руси стал не Киев, а Переяславль-Русский», – отмечает Б. А. Рыбаков, – и «все сходится на том, что у Переяславля прочно сохранялась слава какого-то архаичного сакрального языческого центра, слава, возможно, перешедшая к нему от соседнего Трахтемировского городища», бывшего, в свою очередь, «одним из главных (во всяком случае, самым грандиозным) языческих святилищ скототского времени» /75/.

Этот Переяславль (Южный, или Русский – по более ранним источникам) – первая митрополичья резиденция, княжеский «отний стол», древнейший сакральный центр – оказался прочно связан с Ростово-Суздальской землей и деятельностью Андрея Боголюбского, выдвинувшего, как помним, Богородичный культ /76/. Случайно ли это? И случайно ли совпадение звучания имени Переяславля с топонимикой Святой Земли?

Топонимика вообще дольше всего сохраняет исторические сведения, и исследователя не может не остановить переключка имени города Переяславль с палестинской Переей.

Перея – область на правой стороне Иордана, выше которой, к северу, располагался неоднократно упоминаемый в Новом Завете Декаполис (Десятиградие), а к югу и востоку простирались моавитские и аммонитские владения, тоже не раз помянутые в Библии. Вместе с землями, расположенными по левую сторону Иордана, вся эта территория именуется Палестиной, или Ханаанской землей /БЭ, с. 547/.

Разумеется, это не единственный случай перенесения библейской топонимики в русские земли, что традиционно объясняют распространением христианства и христианской литературы на Руси. Но – внимание! – географическое название **Перея ни разу не упоминается в Библии** (хотя и обозначено на многих картах Древней Палестины как раз в центре этой священной земли).

Удивительно, что Библия словно вычеркнула это название, этимология которого говорит о столь многом.

Одно из египетских значений обращения к царю – *пер-аа* – «Великий дом», и от него происходит титул *фараон* /77/. Египетское звучание вполне прозрачно с точки зрения русского языка: *Первый А* (и это, несомненно, древнейшее имя Создателя). Отсюда можно понять одно из значений имени Переяславль: *Создателю слава*. Далее убедимся, что это имя содержит в себе и другое значение: *Единой Троице слава*.

Уместно вспомнить, что у древних греков македонская область с названием Пиэрия почиталась родиной муз /78/.

Верно, Перею должен был населять народ не только глубоко верующий, но и чрезвычайно талантливый.

С точки зрения знаков Перуджианского камня, в письменности которого близки по начертаниям ПО и И, а также А и Е, это сакральное имя может быть озвучено как ПОАРЕЯ и ИЕРЕЯ.

Таким образом, в первом варианте мы находим знакомое по тексту «Слова об ариях» ПОАРО (БАЖЕ ПОАРО – *Боже Правый*). А самое имя может быть переведено как *земля Бога Правого, Бога Единого ариев* или *Священная* (ИЕРЕЯ).

⁵⁷ Среди древних русских городов есть еще два с тем же именем: во Владимирской (Переяславль-Залесский) и в Рязанской областях.

Так что центром Палестины Иерея была, видимо, не только географически. На правой стороне Иордана, против Переи, находился город Иерихон. Как раз и Перея (Иерея), и Иерихон подверглись особо жестокому уничтожению от вторгшихся сюда иудеев⁵⁸.

При разделе Палестины между двенадцатью коленами израилювыми Перея досталась колону Гадову и в Новом Завете упоминается как страна Гадаринская (по главному городу Гадара – ГАД РА, т. е. *Змей-Солнце*).

Еврейское толкование имени *Гад* означает *толпа*, по другим сведениям – *счастье* / БЭ, с. 147/. Гад – седьмой сын Иакова, который перед смертью предсказал будущее сына: «Гад, – толпа будет теснить его, но он оттеснит ее по пятам» /Быт 49:19/. Предсказание вполне прозрачно, если понимать имя в исконном, сохранившемся в русском языке значении: *гад* – змей, жалящий в пяту. (Ср. также Божие проклятие змея-искусителя: потомство первых людей «будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» /Быт 3:15/.)

Такова таинственная – ни разу не упоминаемая в Библии под собственным именем – Перея.

Единство значений корней знаменует единство религиозных и исторических реалий... Так с каких же времен Переяславль⁵⁹ (*Слава Переи*) – «отний стол» русских князей, самая ранняя митрополичья резиденция, таинственный дохристианский сакральный центр⁶⁰ – перенесен на русские земли с берегов Иордана? Мы достоверно знаем одно: что «вплоть до XVII в. Русская земля сознательно устроилась (стремилась устроиться) одновременно во образ Святой Земли Палестины и во образ Обетованной земли грядущего Небесного Царства, Иерусалима Нового» /79/.

Итак, внимательный взгляд на имя одного только древнерусского города⁶¹ приоткрывает горизонты необозримые и подтверждает, что русские «языческие» центры и связанные с ними культовые места – капища, – видимо, действительно принадлежали дохристианскому православию – правоверию, вере в Единого Правого Бога.

Попутно отметим, что и Ростов Великий вырос на месте капища – Сарского (Царского) городища, где, возможно, находилось родовое гнездо былинного богатыря Алеши Поповича /81/. Кстати говоря, русские былины – неисчерпаемый клад знаний по нашей истории.

Давно доказано (на примере, разумеется, устных памятников других народов), что тысячелетние пласты соборной народной памяти, запечатленные в фольклоре, глубоко ино-

⁵⁸ *Иерихон* (ИЕРО ХО НА – *священный дух наш*, или ИЕРО КОН – *священный предел, священная граница*) был сметен с лица земли: «И предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом <...> А город и все, что в нем, сожгли огнем...» /Нав 6:20, 23/.

⁵⁹ От второго звучания древнего корня можно вывести и другое имя – *Яро-славль* (ИАРО- или ИЕРО-славль, а также АРО-славль – *арийская слава*).

⁶⁰ Отметим, что в названии городища, вблизи которого возник Переяславль, содержится указание на еще более древнее имя: Трах-темир-овское, ведущее в Шумер.

⁶¹ Отсечением от древних значений пракорней обусловлена непонятность преобладающей части древних русских географических названий, относимых, как правило, к другим языкам. Выше уже рассматривалось одно из значений имени Москва: МОСО КИ ВО – *мессианская кровь вы*. Трудно удержаться, чтобы, в качестве аргумента, не расшифровать еще одно ныне непонятное, но продолжающее сохраняться название загородной резиденции князя Владимира Мономаха под Новгородом Великим – Ракомо. Невозможно представить, чтобы за княжеской резиденцией закрепилось на века непонятное для русского уха имя. Естественно предположить, что его значение понятно было русским еще многие столетия. В «Библейской энциклопедии» слово *рака* приводится как сирийское, означающее «пустой, негодный человек» /БЭ, с. 594/. В качестве бранного оно, судя по библейским текстам, было широко употребляемо между иудеями во времена Иисуса Христа и считалось очень оскорбительным: за его употребление виновный подлежал суду синедриона, т. е. верховному иудейскому судилищу (кстати, и в самом евр. га' – *плохой, злой* /80/). В древнерусском *рака* значит *ларец, ковши; гроб, гробница; надгробный памятник* /Срезневский, т. III, стб. 63–64/. При взгляде на пракорни получаем: РА ХО МО – *Солнца духа мы*, а также РАКА МО – *священные мы* и другие сакральные значения. В слове *церковь* содержится слово *рака*: ЦЕ РАКО ВО – *вот солнечный дух ваш, вот священная гробница ваша* (святые мощи действительно погребали в церквях).

сказательны и далеки от беспочвенного вымысла. Не на неукротимую фантазию опирался и наш народ, утверждая, что древнейший былинный богатырь *Святогор* ездил «по святым горам да Араратским», а смерть принял на горе Елеонской, т. е. вблизи Иерусалима /82/. Обменявшись с ним крестами (т. е. став крестовым братом), Илья Муромец схоронил Святогора. Что это, если не иносказание? Старая могучая вера (вспомним, что Арарат – место, где первоначально обосновался после потопа Ной) практически без сопротивления уступает вере молодой, но хранящей преемственность от прежней (обмен крестами) веры, возросшей в Палестине. Так, может, не в Муроме, а на горе Меру родился и Илья (*Илия*) Муромец, или же сам Муром получил свое имя от тех святых мест: МЕРУ МО – (*с горы*) *Меру мы*.

А сброшенный с неба камень *Алатырь* (*Латырь*), у которого собирались русские богатыри, чтоб принять важное решение, так напоминает слуху *алтарь*, откуда, помолясь, испросив Божиих совета и помощи, не раз уходили на защиту русских земель русские вои и в более поздние времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.